

ПРЕСТУПНЫЕ ЭПИЗОДЫ

От редактора

Чтобы возобновить борьбу, анархистам важно осмыслить накопленный опыт, вспомнить удачи и победы, сделать выводы из провалов и поражений. Поэтому ещё в 2020 году мы решили предложить товарищам поучаствовать в создании этого сборника. Условий участия было всего три:

- Вы анархист;
- Вы пишете о том, чему лично были свидетелем или участником;
- после рассказа о событиях Вы делаете свои выводы (как этот опыт может быть использован сейчас, или почему он больше неактуален, что способствовало успеху, что привело к провалу, чему это вас научило...).

Почему «Преступные эпизоды»? Потому что даже если Вы не нарушали уголовных статей, анархия — это преступление! Преступление против установленного порядка, против власти, против системы, основанной на неравенстве, эксплуатации, подавлении. У нас с вами было много преступных эпизодов — героических, трагических, веселых, смешных... Вот мы и решили, что стоит вспомнить их, чтобы осмыслить и двигаться дальше.

На наше приглашение мы получили не так много откликов, как мы бы хотели, и, к сожалению, нам не удалось пока пробиться за стены тюрем и получить рассказы от товарищей, находящихся в заключении. Зато были и приятные неожиданности — на наше приглашение откликнулись, в том числе, анархисты старшего поколения. Самый первый по времени эпизод — от 1992 года! Кроме того, откликнулись анархисты, живущие за пределами БУРа.

Мы надеемся, что осмысление нашего опыта будет продолжаться, и через некоторое время мы сможем издать новый выпуск «Эпизодов», поэтому наше приглашение к участию остается открытым.

Чтобы эта книжка была доступна читателям бесплатно и по всему миру, мы решили издать её в электронном виде. Но если вы хотите получить бумажный экземпляр, издательство готово напечатать его по заказу. Пишите нам на почту epizod@riseup.net

A.

1992

В стародавние времена довелось мне пребывать в городе Питере. Стоял промозглый январский вечер, я шёл по направлению к станции на Гостином дворе.

Поразмыслив, решил, что перед отъездом до Озерков нужно бы выкурить сигарету. Оглянувшись по сторонам, я заметил блестящий огонек и направился к нему. Попросив прикурить у незнакомца в папаше, я поднял глаза наверх и заметил чёрное знамя. Будучи анархистом и узрев у человека в руках анархические газеты, я поинтересовался, могу ли я их приобрести для распространения в своём городе. В дальнейшем будем этого человека называть, например, Пётр. Я заявил ему, что я анархист. После этих слов чело Петра просияло, и он объявил: «А Вы знаете, у нас в Питере проводится анархический съезд, не желаете ли посетить его?» Я ответил, что с радостью.

Мы не будем описывать всё, что происходило на этом съезде, проходившем в детском садике, и все постановления, начиная от поставки горячей воды в одном из городов и до международных требований... Вот краткий перечень обсуждавшихся вопросов (который я обнаружил недавно на сайте с архивами): «Резолюция о государственных границах», «Резолюция об армии», «Резолюция о гражданстве», «Резолюция о памятнике А.А. Ахматовой», «Обращение к властям Вологды», «Заявление группы участников съезда (анархо-капиталистов)», «Резолюция группы участников и гостей съезда по Сербии», «Резолюция группы участников съезда по Ливии», «Резолюция группы участников съезда по Сомали».

На стене висел флаг МАКИ (Маргинальные анархо-контр-инициативы) — пиковый туз в зеленом поле на черном фоне. Было объявлено, что всего на съезде присутствует 13 организаций из 10 городов. Могу отметить мое вступление в организацию под названием ДРСА, куда меня пригласил

т. Перовский (его уже нет на свете, поэтому пишу здесь его псевдоним). Мне очень понравилось сочетание этих букв, которое в переводе на мой родной язык означает примерно то же, что Ж...ПА. Дмитрий Бученков в своей книге написал неправильно, не читайте, ДРСА расшифровывается как Движение Революционных Социал-анархистов. А еще мою натуру устроило, что в организации до меня было всего два человека.

Весь съезд происходил в тёплой дружественной обстановке, пили чай. Оказалось, что кроме меня из нашего города присутствовало ещё два человека, с которыми я не был знаком. Некая барышня спросила меня:

— А как Вы всё-таки попали на съезд? Ведь не возможно же, что Вы шли по улице и пришли сюда.

На что Пётр заявил с места, что так оно и было, вот шёл по улице и пришёл сюда, что фактически являлось правдой. После этого съезда у нас в городе образовалась анархическая группа.

После прожитых лет можно осознать, что мы не достигли того, к чему стремились. В отличие от многих других стран, анархизм у нас тогда только возрождался, мы знали, что мы победим, нам казалось, что у нас впереди много времени, но реальность вносит свои коррективы.

Да здравствует анархия!

Бомж Парижский

ОБОСРАВШИЕСЯ КИДАЛЫ

В Москве мы занимались, в основном, борьбой с недобросовестными работодателями, квартирными рейдерами и прочими кидалами. Например, мошенники, маскирующиеся под кадровые агентства. Размещают в интернете на сайтах по поиску работы липовые вакансии неквалифицированной рабочей силы. Охранники, грузчики, курьеры... Когда на них откликаются, с соискателей требуют деньги за поиск работы. Они платят — и им никто, конечно, не перезванивает. Порой, такие обманутые люди возвращались в офис с нами, а мы уже убеждали вернуть деньги. Иногда было скучно, а местами — очень весело. Самый эпичный, наверное, случай — это когда мы пришли в такое агентство, а мошенники залили сами себя газом, обосрались, и сами же вызвали полицию, которая их и задержала. Про это я вам и расскажу.

Завтра идём в гости к очередным ублюдкам. Ещё одна контора, маскирующаяся под кадровое агентство. На нас вышла кинутая ими семейная пара. В интернете увидели видео с одного из наших рейдов и решили написать нам. Договорились с ними сходить и решить проблему.

Одно из правил организатора — написанное в общие чаты не написано никому конкретно. Каждый воспримет это, как обращённое к другим. Поэтому давно взял за основу — организовывая мероприятие, пиши и в закрытые координационные чаты, и каждому человеку лично. Это скорее побудит человека откликнуться. Это довольно проблемно — я на работе, а у нас под сотню ребят. Но я давно уяснил, что левые делятся на два вида. На леваков — и они унтера. И на анархистов — и они распиздяи.

Наконец, наступает следующий день, на часах 11:00. Мы с группой товарищей на станции, перенаправляем прибывающих на выход...

Знаете, московское метро, всё-таки, одно из красивейших в мире. Каждая станция — произведение

искусства. Метрополитен в Париже — уродливый, грязный. Небольшие одинаковые станции, выглядящие просто как подземный тоннель с установленной бетонной платформой. На проходе развалились бездомные, всюду пахнет мочой. Культурные французы при нужде просто встают в углу и справляют малую нужду прямо здесь. Вы бы видели парижские станции после реставрации — бесцветные бетонные полы, такие же стены. Из пола торчит металлический штырь... Московский метрополитен не таков. Московские станции — это подземные дворцы, которые правильнее сравнивать не с парижским метрополитеном, но с Лувром или Версалем. Что ни станция, то шедевр...

Поднимаемся с подземных залов в морозное зимнее утро. Наших уже человек тридцать. Костяк — мы, группа старых товарищей, уже давно занимающаяся такими угарами. Помимо нас — молодые анархисты, пара старых антифашистов, сочувствующие нам скины и молодёжь из КЧБ. Солидный состав.

Ещё только выходя из метро, слышу обрывки очередного рассказа нашего товарища. Здоровенный парень, не очень ответственный и дисциплинированный, пьющий и маргинальный, но вместе с тем спортивный и боевой товарищ. Его громоподобный глас слышно издалека.

— ...и она меня спрашивает: «А почему ты всегда бьёшь тех, кто слабее тебя?»...

Вот мы выходим наружу, и перед нами предстаёт этот здоровый детина, победно изрекающий после короткой паузы:

— А я отвечаю: «А кого мне ещё бить? Большинство людей слабее меня!»

Самодовольный смех.

Станный вопрос. Разве если ты кого-то побил, не значит ли это, что он слабее тебя? Как можно побить того, кто сильнее? Если ты его побил, то он, очевидно, не сильнее.

Разбиваемся на небольшие группы, чтобы не привлекать внимания, и ведём людей к конторе, расположенной в подъезде одного из жилых домов. Оставляем у входа одного из скинов стоять одиночным пикетом с плакатом, предупреждающим о кидалове, сами же входим внутрь. Действуем по обговоренному плану — я встаю справа от двери офиса, наши ребята скрываются ниже, у входа. Кинутая парочка звонит в дверь. Дверь открывается, я влетаю внутрь...

Влетаю в охранника — огромный шкаф два на два метра, загораживает собою весь коридор. Когда врезаешься в такое — решимость как-то убавляется. Но вот за мной врывается один из наших больших товарищей. За ним — ещё три десятка наших ребят. Мною как тараном просто выносят эту здоровенную детину. Охранник, видимо, не очень блещет умом, а потому не придумал ничего лучше, чем начать поливать нас газом из баллончика. В помещении.

Вываливаемся в подъезд, удерживая двери, — офис скоро проветрится, и мы сможем зайти обратно. А вот кидалы будут вынуждены дышать собственным газом, и к нашему возвращению будут совсем готовые. Идиоты сделали всю работу за нас. Впрочем, заглядываю в офис ещё раз — наиболее горячие головы повисли на охраннике. Кричу им, что пора выходить. Наконец, все на выходе. Из офиса раздаются какие-то адские крики страдания — мошенники явно не привыкли к перцовому газу.

Первая пошла. Из газовой камеры вылетает тётушка-мошенница. Визжа, держится за лицо. С разбегу врезается в стену подъезда, от чего начинает визжать ещё сильнее. Кто-то хватается её за руку. Её истерика усиливается.

— Да отпусти её, пусть побежит.

Мошенницу отпускают. Она разворачивается, бежит... и бьётся о другую стену. Вопль усиливается. С третьей попытки ей удаётся взять нужное направление и выбежать из подъезда. На улице она спотыкается об огромный сугроб и заваливается

в него. Сугроб окружает группа молодых скинов, угарающих с кидалы. В этот момент она достигает финиша, обдывая свои штаны. Появляется характерный запах, и подозрительная куча в её штанах оттягивает их к земле. Мразь в неадекватном состоянии проваливается в снег до приезда полиции.

Офис тем временем проветрен, и мы вваливаемся внутрь. К сожалению, вершить расправу уже не над кем. Здоровяк-охранник заперся от нас в каморке. Мужики из руководства конторы заперлись в отдельном кабинете. В основном помещении остаются только пятидесятилетние тётушки-мошенницы. И не пойдёшь же выбивать двери в запертые кабинеты, чтобы вытащить охрану и руководство, — за такие угары в наши времена сразу уедешь. Приходится беседовать с тётушками.

Одна внезапно начинает распускать руки, пытается выхватить телефон из рук нашей соратницы, осуществляющей съёмку. Приходится немного её успокоить и поучить хорошим манерам, объяснив, что руки распускать не надо.

Они уже вызвали ментов.

— Вы понимаете, что зря полицию вызвали? Это дело ваше, конечно, мы сами хотели бы без полиции разобраться. Но если полиция приедет, то вас же и заберут, вы понимаете?

Не верят. Хотя, кажется, в следствии стресса они потеряли способность здраво анализировать ситуацию. Они в панике, и продолжению общения с нами предпочтут, кажется, чтобы их забрала полиция. Окей, вызывайте полицию, как хотите.

Мусора приезжают в неприличном количестве. Какие-то опера в штатском. Медбригада. Мошенники сразу кидаются к ним с жалобами. Обвиняют нас, что мы ворвались в офис, говорят, что я кого-то избил. Только вот проблема в том, что, когда охранник распылял газ, я стоял прямо перед ним. У меня повреждение сетчатки, я сразу обращаюсь с этим к приехавшим с полицией врачам. Они направляют меня в травмпункт.

Мошенников выводят под конвоем, проводят сквозь коридор из наших ребят, продолжающих психологическое давление на эту мразоту. Выглядят максимально раздавленными — залили сами себя газом, насрали себе в штаны, а теперь их ещё и полиция забирает, которую они же сами и вызвали.

Меня везут в травмпункт. Получаю справку о повреждениях сетчатки глаза, с которой меня отвозят в местное ОВД. Это важно — теперь заява мошенников голословна, так как пострадавшие с нашей стороны. В ответ на их заявление пишу объяснительную. Пришёл устраиваться на работу по объявлению. Поднимаюсь в офис, там стоят люди, ругаются друг с другом. Тут сотрудники конторы достают газовые баллончики и поливают перцовым газом недовольных клиентов и меня в том числе.

Меня отпускают, кидал оставляют в отделении. Предупреждали же их — не вызывайте полицию, не пишите заявление... Идиоты.

На выходе уже собираются наши ребята. Подхожу к ним. Следом выходят опера.

— Ребят, тут какое дело. Можете помочь нам? Очень нужны понятые.

Нам же понятыми у мусоров выступать запаadlo:

— Не, мы в баню собираемся, нас там подруги ждут, шашлыки, пивас.

— Ну это быстро, займёт совсем немного времени...

— Не, мы не хотим.

— Ну смотрите, мы же пока по-хорошему просим.

— А нам что по-хорошему, что по-плохому — не хотим и не будем.

Разочарованные опера идут искать понятых в другом месте.

По факту проверки заявления мошенников выдаётся ответ, что состава преступления не обнаружено, решайте

проблемы в гражданском суде, пожалуйста. Ну, на это мы и рассчитывали. Ни в какой суд, понятное дело, мы не пойдём.

Борьба с подобными кидалами, недобросовестными работодателями или квартирными рейдерами, которую мы вели в Москве, это те практические, полезные дела, которыми можно заниматься и сейчас.

Брэл

О 15-СУТОЧНОМ РЕТРИТЕ И ХЛЕБОТЕРАПИИ

«Были ли мы? Отвечаю: “были” — со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчётливостью документа».

Варлам Шаламов, «Перчатка»

Я хочу засвидетельствовать. О своём опыте административных арестов, о том, что я делал, о чём думал и как себя чувствовал. Много раз меня одолевали сомнения, стоит ли это делать, нужен ли очередной рассказ задержанного, коих уже за время текущих протестов перевалило за 30 тысяч. Однако, решил написать. Ведь, я сам хотел бы прочесть все подобные рассказы моих товарищек и товарищей, друзей и подруг, всех близких мне людей, замечательных и достойных, кого коснулись репрессии. Мы сами пишем истории наших жизней за себя, и мне важны ваши собственные рассказы, а не кучие сводки на убогих мусорских пабликах. Писать об этом сейчас не так и легко, ведь вместе с приятными моментами преодоления собственного страха нужно касаться и самого страха, вместе с ощущениями общности и взаимной поддержки приходят и воспоминания об изолированности и упадке сил. Мне помогли проживать пережитое рассказы других людей, потому надеюсь, что мой рассказ тоже кому-нибудь сможет помочь.

Главное, помни: ты не один и ты не одна! Устала ли ты переезжать с квартиры на квартиру, вынужден ли ты был временно покинуть страну, проводишь ли дни напролёт в постели без работы и смотришь сериалы, или продолжаешь отдавать огромное количество энергии делам, — мы все ценны и важны по отдельности и вместе.

Спасибо всем, кто меня поддерживали: переживали за меня, собирали передачи, писали письма и открытки, находили адвокатов, рассказали о происходящем со мной

в тюрьме, вместе стояли против мусоров на улице и в камере и реагировали на мои слова «за всё хорошее, против всего плохого». Отдельное спасибо издательскому кооперативу «Радикальная теория и практика», чьи книги я с удовольствием читал во время заключения. А «Афтершок» Патрис Джонс непосредственно поспособствовала написанию этого текста.

ПОТЕРЯВШИЕ СТРАХ

«Однажды люди, которым нечего терять, могут сорваться с цепи. А люди, которым есть что терять, — увидеть в тебе врага».

Патрис Джонс, «Афтершок»

Салідарнасць — наша зброя

Вы сами всё понимаете: белорусский народ восстал против удушающего авторитаризма и захотел жить свободнее. Невиданный ранее размах протестов, море протестного креатива, бесчисленные проявления солидарности в обществе, новые инициативы, забастовки, женские марши, дворовое движение... Кажется, мы сами не знали, что так можем, и от этой эйфории свободы дышалось легко и немного сносило крышу. В режиме «бессмертных белорусок», которые уже не боятся ни ковида, ни омона, вместе со своими товарищами и товарищками поддержал протест и я. Мы делали и думали, обсуждали и пробовали, поддерживали протест тем, что уже умеем и знаем, и спешно пытались создавать что-то новое. За предыдущие годы чувство страха давно стало привычным, но сейчас его не было — и мы сполна этим воспользовались! В октябре уже шли ожидаемые репрессии, государство взялось за всевозможные низовые самоорганизованные инициативы, и анархическое движение тоже разделило их участь. Уже отсидели Женя с Костей, задержали и избили Влада, выследили Леру, с работы дернули Сашу, но страх так и не пришёл. Я спокойно продолжал делать, что мог, зная, что сутки всё равно неизбежны. И вот 23 октября в пятницу в 23 часа долгожданная встреча состоялась.

Нас задержали впятую очередь в машине, когда мы возвращались по домам, на ул. Якуба Коласа недалеко

от Советского РУВД. Сзади подъехала машина ГАИ, к водительнице Алёнке подошёл ГАИшник и попросил оставаться в машине, а справа подошёл активист ГУБОПИКа без маски и парочкой серых из РУВД. Меня, Мишку и Илью рассадили по отдельности по мусорским машинам, а Алёнка с Дашей остались в нашей. Никто ничего не объяснял, всё и так стало понятно. Заводят в Советское РУВД, знакомая лестница в небо, усаживают на скамейки вдоль правой стены. Все выглядят спокойными и вполне бодрыми. Anarchists in da musarnya. Ну, поехали!

Стоит грозный бык в балаклаве, начинается вся эта канитель с описью вещей... Это так знакомо и одинаково, и так злит банальность всего беспредела, что «бессмертный беларус» невольно спрашивает у скрывающего своё лицо: «Когда уже в Беларуси закончатся политические репрессии?» Одинаковые протоколы за участие в Марше партизан за 18 октября по 23.34, шли с БЧБ, кричали «Жыве Беларусь». Как обычно для протоколов телефонов нет, работы нет, все живут по месту прописки. Активист ГУБОПИКа Толчков Николай Святославович, руководящий парадом, находит у меня в кошельке 50 баксов и 20 евро, недоуменно спрашивает, откуда у безработного валюта. Стоит ли лишний раз говорить, что в голове может не укладываться мысль о том, что люди протестуют ради идей, а не за деньги. Фоткает деньги и чеки. Смотрите по БТ новый репортаж про опасных экстремистов, которые... в магазине покупают продукты! Который в балаклаве говорит мне доставать шнурки, ставлю ногу на стол и достаю. Орёт на меня, не нравится ему, ставлю на скамейку, тоже не нравится. Ладно. Потом они захотели татушки пофоткать и видосы с нашими объяснениями поснимать. Тату пускай, красивые ведь, а вот на видосы ни у кого желания не было, и все отказались. Это им тоже не особо понравилось, и они решили немного испытать наш дух на прочность.

У меня всё не хватало времени пойти начать заниматься йогой. Милиция не бросит в беде. Нас, парней, поставили на растяжку у стены, ладошки наружу и, чтобы мы не халявили, мусор в балаклаве ударами берцем по щиколоткам подрегулировал наши ноги на достаточную ширину, — и вот статические нагрузки на разные группы мышц в течение получаса нам обеспечены. Нужно держать ровнее дыхание, следить за сердцебиением, стараться меньше двигаться, чтобы меньше потеть. Была опция прекратить упражнения, согласившись всё же сделать для них видосик, но как-то всё равно звучало не сильно заманчиво. Но потом пришёл ещё один мусор, который брал отпечатки пальцев, и упражнения для одного из нас на время останавливались. Илья сказал, что пальцы они имеют право брать только после решения суда, и ему накинули силовых упражнений на ноги. Когда эти физруки вообще ушли наверх и в помещении остались лишь молодые РУВДшные, то я спросил, всё ли в порядке с ребятами, стряхивал руки отдохнуть и потиху уменьшил ширину для ног. После затяжной возни со всеми бумагами по машине нас отвели наверх, посадили в бусик и повезли на Окрестина. Мы ехали все вместе, общались и шутили, поддерживая один одну. Проезжая мимо My Dear Kebab увидели, что уже было слишком поздно, и он закрыт. Что ж, посидим на ЦИПе без фалафеля. ЦИП, медосмотр, стакан, меня одного увели первым. Спокойной ночи, друзья, и здравствуйте, мои новые соседи! Занимаю последнее свободное место из 6 на втором ярусе перед ночным фонарем и ложусь спать.

Кот Триггер и суд Камбиса

Как правило первое время на сутках я большую часть времени сплю и согреваюсь, восстанавливая энергию, и не особо интересуюсь происходящим вокруг. Благо, на Окрестина

деревянные сплошные кровати, на которых днём не запрещают спать. Еда там неплохая, вкусная греча, чаёк, белый и чёрный хлеб сносного качества, мясная еда уходит соседям, порой даже за бартер в виде солёного огурца. Или же несносная даже для соседей рыбная котлета, которая отправляется плавать обратно в аквариум. Узнаю, что подруги вместе сидят в камере напротив и их видно через кормушку, а друзья тоже вместе в камере слева. Их физическое присутствие где-то рядом очень меня приободряет. Понемногу начинаю запоминать соседей и их истории. Всех шестерых забрали по политике. И организывает мероприятия в институте Гёте, его задержали во дворе недалеко от работы. Инстаграм-селебрити верующий В. купил бчб-флаг, распаковал его на улице, повязал на плечи — и сразу же улетел с помощью 2 омонцовцев, взявших его под подмышки. К С пришли домой, попросили выйти, потому что есть вопросы по 9 августа, он вышел в одном спортивном костюме, и его забрали за якобы сопротивление мусору. Св и М с протестного двора на Притыцкого, 97. Позже выяснилось, что с того двора задержали более 10 человек. Как забрали М я уже не помню, а вот Св позвонили из РУВД, где в тот же день была задержана его жена М, ему сообщили, что он может передать ей вещи, но там задержали и его самого. М тоже сидела в камере напротив, по итогу они вместе пробыли по 15 суток день в день. Для М это было уже второе задержание после отсиженных 13 суток.

Я за один день отоспался и стал социализироваться. Все ребята неплохие, только удивлял своей наивностью верующий В., который слишком буквально воспринимал всё, что ему говорили в его протестантской церкви, ну да бог с ним, как говорится. Поначалу я настороженно относился к разговорчивому дворовому активисту Св, по взглядам русскому и беларускому националисту одновременно, но именно с ним я пробыл весь свой срок. И хотя мы с ним часто сильно зарубались за политику, апеллируя к очень разным

аргументам, с ним оказалось больше всего взаимопонимания. И. рассказывал разные истории и в целом поддерживал дружелюбную атмосферу. Карма его наградила, у него оказался хороший адвокат и его отпустили после 3 суток, а дело перенесли на доработку. М умиротворенно практиковал дыхательные и физические упражнения йоги на деревянной кровати или длинном столе. Я понемногу начинал заниматься своим антиавторитарным критиканством, или общался с Дашей и Алёнкой через кормушку. А наш воображаемый кот Триггер то ходил по камере, то выпрыгивал через открытую кормушку в двери на коридор.

В то воскресенье 25 октября был Народный ультиматум. Мы обсуждали вероятность массовых забастовок и в шутку говорили о том, как нас придут освобождать протестующие. Ведь стены рухнут! Мы ждали каких-либо новостей с воли. В тот день к нам подселили двух бытовиков по алкашке, которые политикой не интересовались. С их слов один пришёл домой выпивший, «поругался с женой, даже не бил её в этот раз». Второй пришёл домой очень пьяный — от него сильно разлило перегаром и в камере, — лёг на диван и уснул. Этакие две несчастные жертвы мужененавистниц. Новостей никаких они нам не рассказали, но очень ссали получить сутки из-за наших разговоров, потому что из нас, за исключением святого В, никто иллюзий не питал. Но судебная система наказывает мужиков, доставляющих проблемы женам из-за алкоголя, небольшими штрафами, а не совершивших ничего людей — 12-15 сутками. Тут уж кто более социально приемлен этому режиму.

На третий день задержания, в понедельник, проходили наши судебные заседания. С утра начались перетасовки людей. Увели кого-то из наших, но подселили Мишку и еще одного парня К, который, к моей радости, оказался веганом и принёс с собой воды в бутылках и упаковку печенья Огео. Он рассказал про массовый протест в воскресенье и малую активность по забастовкам. Я был очень рад компании Мишки, он шутил и играл с ребятами в тюремную игру кичу, поле для которой было расчерчено на одной из наших кроватей. А ещё анархисты настолько милые, что могут переживать, когда им дают меньше суток, а не больше. Всем нам дали по 15 суток, а Мишке только 12, и он сидел и думал, что же он мог сделать не так... Говорю, что это потому, что он самый красивый, и судья не смогла дать ему 15 суток. Меня это очень умиляло.

Меня пригласили на коридор и провели на 2 этаж на судебное заседание по скайпу. Вместе со мной шёл и Илья. Какое-то время мы стояли в холодном коридоре, потом меня

пригласили в кабинет к ноутбуку. Товарищи мне нашли адвокатку, и для моей беседы с ней охранник даже вышел из кабинета. Сразу говорю ей, что исход понятен, передавайте всем привет от меня, со мной всё в порядке и попросите передать мне мои книги: автобиографию Эммы Гольдман, «Афтершок», «Власть и тело» Марии Рахманиновой, книги Петра Рябова по истории России, а если не возьмут эти, то хотя бы техническую «Высоконагруженные приложения» Клеппмана. И я знал, что передачу соберут люди знающие и всё нужное у меня будет. Как и то, что в каком-то смысле сидеть на сутках проще, чем переживать за сидельцев и суетиться из-за передач на воле.

Никакого суда давно уже нет, один лишь фарс, поставленный на конвейер. Нужно только подыграть и сделать этот процесс ещё более абсурдным. Например, спросить судью Волка Александра Александровича про такие вещи, как совесть. Доверяю ли суду? Конечно, нет, но отводы не делаю, ведь какая разница, кем вас заменят. Ходатайства? Первое: адвокатка. Второе: повесить в зале так называемого суда картину «Суд Камбиса, или Сдирание кожи с продажного судьи», чтобы она напоминала вам об ответственности. Судья особо не впечатлился, равнодушно удовлетворяется первое ходатайство и отклоняется второе. О, свидетель даже не Александрович Александр Александрович, а новый выдуманный Бельский Никита? Мусорок 1992 г.р. с наглой ухмылочкой, который говорит, что узнал меня на марше по фото из паспорта, где у меня тоже длинные волосы и очки. Нет, но ведь какая судье разница. В общем, 15 суток, моё пожелание судье всё же купить себе совесть на зарплату, чао-какао. Постоял ещё на коридоре, потупил в стену, потом осмотрелся вокруг и увидел Мишку, и затем ушёл в свою камеру. Всё понятно, можно спокойно досиживать эти сутки.

Жодино, еду я на Жодино, пусть кричат — уродина

Во вторник нас повезли на ИВС в Жодино. Я ехал в автозаке в одиночной камере без света, но с камерой наблюдения внутри, напевая себе под нос «Вечную весну». Через щель над дверью я видел глаза Св, который смотрел в мои. К концу пути я понял, что за моей стенкой находится ещё одна камера на всю ширину автозака, в ней были девушки. Я настучал начало ритма одной из мелодий самбы, услышал в ответ продолжение, порадовался и дальше ждал приезда. Вход, небольшой коридор с затхлым воздухом, потом длиннющие коридоры по тюремному подземелью, команды держаться то правой, то левой стороны коридора, продол 2 этажа, камера 36. Жодино... Как только я зашёл в камеру, в меня сразу же ворвались ощущения и воспоминания о Жодинском камерном быте: этот запах с туалета, эти жёлтые стены, это пространство вокруг стола со скамейками в центре, эти нары из металлических уголков! Вместо тысячи слов... Я был в Жодинском ИВС после задержания 15 марта 2017 года на «Марше нетунеядцев». Камера воскресила неприятные воспоминания о самом камерном быте и приятные о людях, которые были со мной рядом. «Тюремное живёт в тюрьме», — подумал я тогда.

Нас снова было шестеро. Я и Св, Ан задержали во дворе на Притыцкого после конфликта со срезавшими ленточки, оказавшимися омовцами. Спортивный П попался на Пушкинской, выйдя на разделительную полосу дороги, после Фрунзенского РУВД у него появился фингал и ссадины на лбу. Наши «деды за 50», работник банка А и наладчик насосов в подземных переходах С, тоже были задержаны на воскресном марше. Пока было непонятно, что за люди мои новые соседи,

но зато были понятны две общие проблемы: курение и тюремщики.

Курили четверо, сигареты проблемой не были, а вот спички были. Св переносил время без курения легко, но у остальных была ломка, особенно у П. Он с ходу облазил все нычки, нашёл пару спичек, какую-то верёвку и мойку. Я сразу подумал о том, что очень хорошо, что я не курю. Иначе пришлось бы бросать, чтобы не нарушать этику «не верь, не бойся, не проси» (и спичек от мусоров «не зажигай и не гаси»), или сочинять потом свой кавер на «стрейтэджер на две трети».

Тюремщики же сразу дали понять, кто здесь устанавливает порядки, которым нужно подчиняться. Каменное лицо орало и требовало при входе мусора в нашу камеру вставать, становиться лицом к стене, смотреть в пол. Всё нутро протестовало. Нет, не бойся, сопротивляйся, гордо смотри прямо. Хамство и вербальное насилие очень бесили. Как и небрежное отношение к проблемам со здоровьем. У А и Ан было давление, у Св ныла нога от защемленного нерва, у П болел живот. Обезболивающие таблетки закончились через пару дней, и «доктор» мог предложить только какой-нибудь аспирин. Вот так будет выглядеть наша медицина, когда всех врачей уволят как неблагонадёжных, а лечить людей вместо них придётся мусорам.

Первый раз у нас забрали на дневное время матрасы, кажется, уже на второй день, за то, что мы сидели на металлической кровати, даже не лежали. Хотя, логика этого наказания так и осталась непонятной, раз на них всё равно нельзя днём лежать. На вопрос, нужны ли нам обратно матрасы (вата, если по фене ботать), мы равнодушно отвечали, что можем забрать. На второй же день мы заценили еду, потому что в первый день нас не покормили. С утра в своей тарелке каши Св увидел чёрный комок, который начал расплзаться маленькими серо-чёрными глистами. Наша баланда через клоаку отправилась напрямиком в ад. Жодинский

серый хлеб был очень плохого качества, что даже поделки из него быстрее разваливались. Но, к счастью, больше особых сюрпризов с едой у нас не было, то, что было без мяса, было сносным, супы бывали даже вкусными. О легендарном бигусе на стене у двери был нацарапан отзыв: «Мусора, жрите свой бигус сами».

На сутках соседи по камере делятся на 2 группы: тех, кто ведёт себя с мусорами правильно, и всех остальных. Легче всего было с П, у него за плечами было пару сроков и ему ничего объяснять не приходилось. Св тоже всё понимал, но беспокойство за жену и больная нога всё же вынуждали быть сдержаннее. Робкий Ан боялся, но боялся честно, слушал аргументы, почему нельзя позволять мусорам всё больше и больше нагнать, а нужно бороться там, где стоишь, и давать отпор насколько в наших силах, соглашался во многом и под конец срока стал заметно смелее. У А проскакивала борзость на словах, но до дела не особо доходило. У С был универсальный аргумент: ай. Я никого не хочу обвинять, но мусора сами часто играют на коллективной ответственности, а значит и достойно ответить им лучше всего можно тоже коллективно.

Та среда также предвещала передачи, и я был абсолютно уверен, что мне её передадут. Так и вышло. Но задержанных и передач для них было так много, что нам их смогли выдать только на следующий день под обед. Любая передача сама по себе уже большая поддержка от близких людей, но я был несказанно рад, что получил свои книги, сменную одежду и даже веганскую колбасу. К тому времени мой свитер сильно отдавал смесью запахов хлеба, пота и параша, а грязные волосы сваливались. И всё же, с того дня сутки делились на время до книг и после. Мне передали первые два тома автобиографии Эммы Гольдман и «Афтершок». «Я не знаю, где ты читаешь эту книгу, или что на первых полосах сегодня, но я знаю точно, что ты

не чувствуешь себя в безопасности. Надеюсь, у тебя есть уютное гнездышко в этом жестоком мире». Патрис Джонс, «Афтершок».

Я был под глубоким впечатлением после прочтения «Афтершока», от охвата тем и попыток органичного синтеза различных идей, придания большего значения социальному в психологическом. Это пособие для активисток и активистов, переживших психологические травмы из-за своей деятельности, и сама Патрис Джонс является и практикующей терапевткой, и активисткой в одном лице. Она анархистка, эко-феминистка, веганка, лесбиянка. Эта книга и так очень заботливая, тем более, если читать её в камере. Она помогала мне лучше почувствовать связь с самим собой, с другими людьми, больше задуматься о связях с животными, природой, всей планетой. О силе наших связей, которые могут и должны быть поддержкой сами по себе для каждой и каждого из нас. Она говорит о необходимости культуры заботы в наших сообществах. Думаю, она бы отлично уравнивала нашу культуру безопасности, необходимую, но параноидальную. Подобные идеи слишком ценны, чтобы оставаться лишь текстом в хорошей книге.

Меня очень злило и держало в напряжении поведение мусоров. Придирки на пустом месте, гопнические интонации «на русском литературном языке», очень частые подсматривания в глазок. Хотя, я всё равно старался больше включаться в общение с соседями и игнорировать мусоров, не отвечать на их вопросы не по делу, даже не смотреть им в лица, просто отворачиваться. Мы всё время рассказывали истории, обсуждали и спорили на разные темы, шутили и играли в домино из хлеба, которое Св сделал ещё на Окрестина, и в кичу, которую я расчертил и разрисовал карандашами. Мы жили своей жизнью и никого не трогали, но мусоров нередко не устраивало и такое. На наш смех некоторые заявляли нам, что камера — это не то место, где можно радоваться.

Я офигевал от такой наглости: будет нам ещё какой-то тюремщик говорить, какие чувства испытывать, а какие нет. На подобное хотелось резко отвечать. И даже под страхом физического насилия было важнее стоять за себя, за соседей, за собственное достоинство и уважение к себе.

В среду вечером один заключенный настойчиво требовал у мусоров дать ему зажигалку. Мы ещё даже не знали, как часто выводят на прогулку, где мусора дают прикурить, — у нас прогулок пока попросту не было. Он был раздражённый и достаточно дерзко с ними общался. В конце концов он послал мусора нахуй. Глухой удар по корпусу. Ещё удар. Звук упавшего тела. Извинения у мусора через сильную одышку. В четверг вечером были слышны стоны из-за открывшейся двери. Мольба не закрывать снова в одиночке. Меня раздирала ненависть к мусорам и чувство беспомощности от невозможности помочь человеку, над которым издеваются. В такие моменты всё моё тело замирает, лицо становится мрачным, уши вслушиваются в каждый шорох за дверью, и я испытываю сильное презрение к некоторым соседям, которые пытаются не замечать происходящего и нелепо хохмить.

«Мне кажется, что большинству активистов знакома эта пляска решимости и страха при виде чужой неволи». Патрис Джонс, «Афтершок».

Смецце: шторка, пятачок и все-все-все

Открывается дверь и раздаётся вопрос: «Смецце в корзине есть?» В какой-то момент, чтобы выплеснуть свою накопившуюся злость на бумагу, я написал:

Смецце. Как режим, система, как инструмент насилия вы есть. Как людей, личностей вас нет. Для меня нет. Я не различаю ваши лица. Более того, я даже стараюсь в них не смотреть. Моё презрение, или игнорирование вашего

подглядывания в глазок, или обращения к нам, — это всё, что вы заслужили, надев форму. «Никакой любви для вас, это правда». Сведение эмоционального контакта к минимуму к институционализированному насилию в виде этого тела с дубинкой, которое думает, что я ему что-то обязан. Мои политзеки-сокамерники для меня есть, мои друзья в соседних камерах есть, эти стены, которые рухнут, уже шатают все те, кто для меня есть. А вас нет.

Но все же некоторые персонажи обрели свои имена.

Всё это время по приезду на Жодино я ужасно не высыпался. По утрам в 6 часов был подъём под звуки гимна, дневной свет горел в камере круглосуточно. И даже когда наш фонарщик С выкручивал одну из двух ламп на ночь, это не решало проблемы. Я часто не успевал уснуть до того, как начинался хор из храпа и пердежа. Потому первые дни я часто спал днём, сидя за столом, иногда удавалось задремать лежа на металлической кровати. В одну из моих бессонных ночей я просто перестал пытаться уснуть и лежал с открытыми глазами. Дежуривший в тот день мусор, подсматривающий в глазок, уставился на меня и спрашивает, почему я не сплю, а затем выдал мне, что я легко могу уснуть, а не сплю только из-за самовнушения. Через какое-то время он спросил меня снова. На мой вопрос, спит ли он дома при включенном свете, он ответил, что вообще-то да, он приходит со смены домой и уже светло, а у него в комнате нет шторки. Бедняга, наверное он думал, что мы с ним в равных условиях, и ждал моего сочувственного понимания. От нашего диалога проснулись некоторые соседи, мы посмеялись с этой историей и окрестили его «шторкой». Той же ночью мусора на продоле слушали музыку, и это было, что называется, до слёз, когда кто-то из них подпевал Ляписа. «Ау-ау-ау, я тебя всё равно найду». «Знай, это любовь, с ней рядом Амур крыльями машет».

Был и другой персонаж, молодой невысокий розовощекий мусорок, который плохо умел связно выражать

свои мысли. Он ходил рядом со своим коллегой покрупнее, и ассоциация с Пятачком напросилась сама собой. По выходу с суток я узнал, что девушки называли его «сельским дурачком». С ним у нас произошел казус в субботу утром. Мы все ночью плохо спали, утро было очень вялое. П лежал на скамейке с закрытыми глазами, что не было запрещено, у него болел живот, и вообще он неважно себя чувствовал из-за ломки по сигаретам. Я сидел на своей кровати рядом. В окошко посмотрел Пятачок.

— Стукни ему по ноге, — говорит мне Пятачок.

— Я не собираюсь этого делать.

— Стукни, чтоб он проснулся.

— Я не буду выполнять незаконное требование сотрудника ИВС бить другого заключенного.

Недоумение на лице пятачка. Нарочито громко открывается наша металлическая дверь, заходит внутрь мусор и говорит двум нашим скинуть матрасы на пол. На этот произвол мы среагировали дружно. Я тоже кидаю свой матрас на пол и говорю, что мне мой тоже не нужен. Кидают свои и все остальные. Называют наши с П фамилии, говорят выкатывать вату на продол, а потом отводят за угол и ставят на растяжку. Уже знакомый по советском РУВД сценарий: лицом к стене, руки на стену, ноги широко, пару ударов по моим ногам, чуть больше по П. Боковым зрением вижу, что тело П опускается на подкошенных ногах, далее наши словесные перепалки, я начинаю злиться и ругаться на мусоров, но вижу, что П говорит, что оно не стоит того, и я замолкаю. Вы не подумайте, он бы один их двоих уштал, но в этом видимо и было дело, и лучше ему спустить этот конфликт на тормоза. Всё равно поворачиваю голову и спрашиваю его: «Как ты?», слышу, что всё в порядке, и нас быстро уводят обратно в камеру. Я переживал за П, хотя, человек он очень крепкий.

Потом было смешно. На пересменке другие мусора увидели наши матрасы и стали спрашивать Пятачка почему

они там лежат. Пятачок что-то промямлил, тот переспросил его, чтобы внятно объяснил, что вообще произошло. Потом решил, что это бесполезно, открыл нашу дверь и спросил нас самих. Мы рассказали, он всё понял, однако посоветовал нам правильно интерпретировать слова пяточка, что «стукни» означает «разбуди». Мы порадовались признанию пяточка лошком со стороны его коллеги и нашей маленькой моральной победе.

Мы живо обсуждали эту ситуацию, не стесняясь всевозможных эпитетов в адрес мусоров, а пяточок стоял под нашей дверью, подслушивал, иногда смотрел в глазок, но на него даже никто не обращал внимания. Потом он сказал, что запомнил всё, что я о нём говорил. Нас ждало возмездие. В ту субботу мы впервые пошли на прогулку. Это маленькие дворики 3х3 метра, с цементными стенами, зелёным мхом на них и красными железными воротами. Ребята выкурили по несколько сигарет до головокружения, мы слышали в соседней клетке девушек, я спросил, как дела у подруг. Мы довольные вернулись обратно в камеру, подышав свежим воздухом на 5 день в Жодино. И тут мы обнаружили нежданчик: на нашем деревянном столе, на котором ещё до нас была надпись «ЖЫВЕ БЕЛАРУСЬ 1.10.2020 — 16.10.2020» появилась новая — «ПАСАСИ». Шах и мат, зlostные змагары, коварный пяточок с интеллектом третьеклассника унижил вас! После такой досады мы не знали что нам делать. Весь день мы были под пристальным наблюдением. Я обнаружил, что пока нас не было в камере, пяточок достал мой листик из книги с пометками и выписанными цитатами, безжалостно разорвал его и выбросил в сметницу. И поздно вечером, ближе к отбою, втихаря открылось окошко и как ляпнула его крышка, что вылетел кусок оргстекла. У — устрашение. Но я вызвал кнопкой его коллегу, сказал, что стекло выбили не мы, чтобы потом с нас за него не спрашивали. Тот покачал головой, сказал «хорошо» и ушёл. Нам отдали матрасы и мы легли спать.

А теперь без иронии. Держи свою душу неповреждённой. Не общайся с мусорами, максимально игнорируй их, их эмоции и желание как-либо с тобой взаимодействовать, насильственно или нет. Береги себя, сохраняй своё эмоциональное и физическое здоровье. Смысл административного ареста в причинении тебе максимального страдания и дискомфорта. Поэтому сопротивляйся: чувствуй себя там хорошо и бунтуй любым доступным тебе способом!

We all live in a yellow submarine

Отдельной темой является жизнь как на подводной лодке со случайными людьми, от количества и комбинации которых может сильно зависеть самоощущение. Мы люди разных характеров, возрастов, мировоззрений. И в камерных условиях всё проявляется достаточно быстро. Мы можем стараться привносить что-то хорошее в поддержание общей погоды в хате, но вместе с этим привносим туда свой бэкграунд. Анекдоты и юморески — здорово, но сексизм и гомофобия в них — нет. Выглядеть смелым и не бояться — здорово, но невозможность сказать о страхе и слабости — нет. Маскулинность подобное не одобряет. Интерес к веганству — здорово, несмешные «оригинальные» шутки — нет. Из-за того, что очень многое не выбираешь и временно с этим нужно в определенной степени мириться, копится усталость. В таких обстоятельствах логика поведения становится схожей с той, когда взаимодействуешь с мусорами: это постоянный выбор, отреагировать или проглотить.

На сутках мы все оказались по одной причине: мы все против условно одного и того же. Но за что каждый из нас? Мы сталкивались мировоззрениями, моим соседям нередко приходилось слушать критику всего и вся с моей стороны, об анархизме то есть. Особенно часто мы спорили со Св.

Я отмечал его мышление в рамках национализмов, геополитики. Хотя, книги об анархистке Гольдман он прочёл с интересом. Когда мои уши уставали и внутренний счётчик «баб» и «пидорасов» переполнялся, я начинал рассказывать соседям факты о гомосексуальности и патриархате, которые сам знал, задавать вопросы по теме тем, кого это больше всего беспокоило. Это немного помогало сбивать сексистскую и гомофобную спесь. И деды у нас воевали, и советские солдаты немецких женщин насиловали... Но споры наши оставались уважительными. Для моих соседей также были полезными опыт и знания о работе нашей репрессивной системы, мои личные или моих товарищей.

Как мы объясним ОМОН нашим детям?

В камере между туалетом и умывальником лишь невысокая перегородка, и некоторых это смущало. Со временем с подачи А у нас появилась традиция при каждом походе в туалет хором запевать немного переделанный припев «Песни идущего домой» Бутусова, где концовка каждый раз менялась в зависимости от актуальных событий. Например: «И вот он сидит на краю водопада. У нас забрали матрас, но нам он и не надо». Он же любил затягивать Михаила Круга: «А сечку жрите, мусора, сами».

Но давайте вернемся к чувствам в мужской камере. Я достаточно устал за первые 5 дней на Жодино, к вечеру субботы у меня гудела голова. И дело было не только в недосыпании и мусорах, а в реакции некоторых соседей на обращение с нами. После утреннего инцидента у нас закономерно случился эмо-раунд. В целом настроение было боевое, были даже разговоры о том, что в случае дальнейшего прессинга мы можем объявить голодовку. Св поддерживал весь кипиш, Ан относился сочувствующе, хоть, и не одобрял любую эскалацию, даже если она была необходима для нашей же дальнейшей защиты. Я объяснил свою позицию и ощущение от всего происходящего, потому что своей

риторикой и поведением я мог кому-то показаться неким бесстрашным отбитым активистом, что было далеко от правды. Я рассказал, что мне тоже страшно, что это всегда выбор между хочется и может, но если мы терпим и ничего не делаем в ответ, то мусора нагеляют всё больше. Так уж они устроены, 97% из них. И что да, увы, борьба требует жертвенности, а у нас из оружия, по большому счёту, есть сейчас только правда и готовность стоять за себя и за других. У некоторых из нас. За день до этого я честно признавался, что меня высаживает «думание за мусоров», оправдание их поступков на основе логики власти и в духе «мы сами их провоцируем», и огорчает нежелание вписываться за других и даже за себя. Я старался говорить тактично и всё объяснять, насколько только мог.

«Как лимбическая система определяет, что ситуация опасна? Когда на это указывает сочетание ощущений и воспоминаний. Некоторых вещей мы боимся инстинктивно, но большинство страхов — выученные. К счастью, можно отучиться бояться. Страх — это одно из базовых чувств. Именно поэтому от фобии и панических атак, если они не осложнены другими факторами, относительно легко избавиться». Патрис Джонс, «Афтершок».

Днём, вроде бы, всё шло как обычно: болтовня, настолки из хлеба, еда. Но я стал замечать, что моё кипишное поведение напрягает некоторых соседей, они чувствуют невозможность в него включиться в присутствии мусоров ни вербально, ни действиями. Однако начинают храбриться и говорить более дерзкие вещи, когда те уходят. Хотелось бы отсидеться тихо-мирно, но не все могли об этом явно сказать. Может, из-за этого отношения ко мне, может, из-за этой грёбаной жизни на подводной лодке, может, всё вместе, но кажется, что в мою сторону стало больше мелких подъёбок или фамильярного отношения. С другой стороны, от других соседей я почувствовал больше уважения. Видимо, к 8 дню

отсидки начала сказываться общая усталость. Позитива мало, негатива всё больше. Тюрьма зловеще делала своё карательное дело...

П тоже часто нервничал. Из-за вспыльчивого характера. И из-за диагноза, который мы ему поставили — ОСН — острая спичечная недостаточность. Он нам говорил, что в плане отношения мусоров режим отсидки по административке на Жодино куда хуже, чем по уголовкам из его опыта. Ещё бы, нужно ведь успеть за 15 суток максимально наказать заключенных и отбить желание протестовать. Зато, он всегда впрягался, и я это очень ценил. Простой и честный парень, он сказал мне, что таких людей, как я, он называет воинами света. Меня, признаться, это тронуло и поддержало. Боец ММА, сидевший за драки, со своими понятиями о добре и зле и внутренним стержнем. И за те слова ему большое спасибо.

Уже было поздно, всем хотелось спать. Часов нет, матрасов нет, команды «отбой» нет. Я прилёг на койку и немного кайфанул по металлу. После выбитого пяточком оргстекла, моих доводов, что нужно об этом сказать нам самим, и аргументов в ответ: «Зачем? Что это даст? Только злить мусоров», — у меня появились разочарование и злость на трусость даже по таким мелочам. После того, как я всё же вызвал мусора и сказал про его коллегу-долбоёба, все соседи остались довольны. А меня откровенно всё заебал.

«Страх чувств — это распространённая проблема. Многие боятся печали, потому что опасаются, что она поглотит их. Они могут заменять чувство, которое боятся выражать, на гнев. Страх чувств заставляет людей использовать различные механизмы защиты от нежелательных эмоций. Чувства, которых пытаются избежать, обычно рано или поздно выходят на поверхность, зачастую ещё более болезненно, чем если бы их пережили и выразили сразу». Патрис Джонс, «Афтершок».

Чтобы тоже не играть втёмную, я явно проговорил соседям как себя чувствую и что думаю по поводу всего происходящего. И допустил, что устал не только я один. Но всем на словах было ок. Мальчики не плачут. А я взял ручку и оставил свои переживания на бумаге. Меня в какой-то степени отпустило, и я сказал себе, что с завтрашнего дня я буду больше беречь свои силы и не впрягаться за тех, кто сам за себя это даже не пытается делать. Лег спать и наконец-то хорошо выспался.

«Удивило ли тебя, когда я рассказала о своих злости и грусти? Считаешь ли ты безумной мысль о том, что можно ещё сильнее бояться? Думаешь ли, что для позитивных изменений нужно подавлять негативные эмоции? Беспокоишься ли, что тебя может охватить тоска или ужас? Считаешь ли, что эгоистично заикливаться на себе, когда столько людей и животных страдает намного больше? Ведь, в конце концов, как я уже сказала, мы на пороге бедствия! Разве в такое опасное время можно позволить себе задумываться о чувствах? Активисты привыкают подавлять — а не выражать — свою уязвимость, и им даже труднее, чем другим людям, справляться с нормальными эмоциональными реакциями на расстраивающее событие». Патрис Джонс, «Афтершок».

Жаль, что в тот момент никто не сказал мне, в чём разница между потребностями и ожиданиями. Про мою потребность в чувстве солидарности и про тщетность моих ожиданий. Всё же, стоило попустить и осознать, что я привык общаться с активистами и активистками, от которых ожидать поддержки куда проще, которые впрягаются за меня и за которых я сам готов впрягаться. А все те люди, которые впервые вышли протестовать за последние месяцы, всё равно большие молодцы и делают немалое достижение для себя. В тот момент мне стоило вспомнить песни из первого альбома Ricochet:

Обещай мне сделать шаг, и я сделаю два
Мы искали в людях свет, но давали им лишь слова
Вместо света был блеск, косметика
Пустые мешки наполняла пустая рука
А мне хотелось бы жить, как мне хотелось бы жить
А мне хотелось молчать чаще, чем говорить
И мне хотелось бы знать, на кого спихнуть вину
За то, что «невидимая рука» прижала меня ко дну
Никто не хотел быть первым, но просто кто-то не смог молчать
И если бы мог сидеть и ждать, он бы не стал ничего менять
Глупо ждать спасенья извне даже на самом дне
Ведь, мир стоит на одном слоне, как мой стоит на мне
Но победа настолько близка, насколько она нужна
Где вчера была душа, теперь стоит цена
И не важно насколько она высока
Всё, чем я могу платить, лишь моя пустая рука
За обещанье сделать шаг, когда я сделаю два.

Ёу!

Следующие дни проходили достаточно тихо. Я следовал своему решению беречь себя, вдумчиво читал «Афтершок» и следил за самочувствием. Это оказалось несложно. В воскресенье весь день не было никаких проверок, а мусора стали вести себя даже с намёком на дружелюбие. Пятачок, видимо, получил по шее от дежурного за свою самодеятельность с матрасами, стал вежливым и больше не бычил на нас. В понедельник произошло что-то совсем странное. Утром открылась дверь, тюремщик подозвал Св и спросил, какой сегодня день. В тот день была 13-летняя годовщина его отношений с М. Ему передали от нее записку и дали 5 минут на написание ей ответа. Позже тюремщик сам

передал М цветок из оригами, за что сам же забрал что-то из следующей передачи Св. Без комментариев.

Мы много общались и дискутировали. Я немало порассказывал об антиавторитарных идеях и своём отношении к разным вещам. В мире стало на 5 человек больше, для кого анархисты перестанут ассоциироваться с террористами, а какими будут эти ассоциации это уже их дело. Сам же я узнавал кое-что из истории России или геополитики Средней Азии и Кавказа. Как минимум, я понял, что мало знаю о том регионе, и это вызвало мой интерес. И снова подогрело моё желание попутешествовать там, от Грузии до Туркменистана.

А ещё вечером у меня произошёл забавный диалог с охранником после пересменки:

— Чё на шконаре сидим?

— Нравится.

— Чё, я не понял?

— Какая разница!

Мы оба были в явном недоумении. А всё дело в том, что я был рядом с дверью, когда он спрашивал, и подумал, что вопрос адресуется мне. Я забыл, что такое шконарь и не понял, что он вообще хочет. Оказалось, что за моей спиной наш фонарщик С сидел, свесив ноги, на втором ярусе кровати. Соседи долго смеялись с моей наивной дерзости.

Начал было я давать слабинку и думать, что мусора способны по-человечески с нами взаимодействовать, как они вернули меня на землю. Уже был вторник 3 ноября, и нас повели на вторую прогулку. Когда я спускался по лестнице на улицу, я неожиданно увидел Леру в камере на улице! Она меня тоже увидела, улыбалась и кивала. Я был несказанно рад, и пусть мы должны идти руки за спиной и глаза в пол, я машу ей левой рукой и радостно приветствую: «Ёу!» Офигевший охранник, стоящий рядом с их камерой, очень злится, что это ещё за «ёу». Нас только завели в самую дальнюю камеру, как он подошёл к ней и спросил, кто крикнул. Честно говорю ещё

на радостях, что это был я, и меня уводят обратно в нашу камеру. Моя минутная прогулка окончена. Прохожу обратно мимо её камеры и вскидываю правую руку вверх со сжатым кулаком. Охранник угрожает ударом по почкам, берёт меня за куртку, подталкивая идти быстрее по лестнице, и заводит в пустую камеру. Проваливай уже, это для меня не наказание, вы уже сделали для меня прекрасный подарок, дав поздороваться с подругой! Конечно, я чувствовал это волнение после пересечения с мусором, агрессией и угрозой применения насилия ко мне, но светлое чувство радости было намного сильнее, и оно прекрасно резонировало с яркими лучами солнца, просачивающимися через приоткрытое окно.

В тот же вторник мы единственный раз сходили в душ. На 11 день моего ареста можно было по несколько раз мыть свой длинный хаер и петь Коржа под горячим душем: «Жить в каи-и-иф я выбираю!» Я чувствовал себя человеком. Уже проще было фильтровать сексистские и гомофобные разговоры соседей. Ушам неприятно, но сил на это я уже так много не тратил. Только если слышал совсем уж чернь какую-то, тогда я выпаливал свою очередную тираду, возвращался к своей книге и не особо вникал в «праведные возмущения» в ответ.

Завтра снова должна быть передача с новыми ништяками и книгами. Остаётся 4 дня срока, поводов для оптимизма всё больше. Но я всё равно был готов к новым сюрпризам и неожиданным сценариям. Я всё же в ИВС среди мусоров, поддерживающих этот репрессивный режим. Это базовая данность здесь. И это им никогда не будет прощено, сколько бы раз на прогулку или в душ нас ни водили.

Курильщики облегчили свои симптомы ОЧН: П договорился с баландёром о бартере, наши сигареты на его спички. Баландёр — это обычный зек, который разносит еду для других заключённых. После договора глазами понадобилось ещё несколько дней, чтобы он смог передать нам спички, ведь с ним рядом всегда находится мусор-охранник.

Парни курили над туалетом, заранее прикладывая бумагу к решетке вентиляции, чтобы понять, тянет ли в камеру или из неё. Они были похожи на человека-паука, который жадно получает свою дозу никотина.

В среду выпустили Ан после 12 суток, в четверг А. После вчерашних передач все были с полными желудками. Нам почему-то сказали, что переведут в другую камеру. Поэтому мы разделили еду на случай если нас раскидают по разным камерам. Хотя, мне казалось это странным, ведь обычно людей изолируют от остальных, чтобы, например, вновь прибывшие не рассказывали остальным новости. Я окончил своё чтение «Афтершока» и принялся за второй том автобиографии Эммы Гольдман. Шли игры в кичу и домино, П нарезал круги по камере после курения. Так шла вторая половина 13 дня отсидки, тогда был холодный, но солнечный осенний денёк, и было общее ощущение скорого освобождения.

В «Афтершоке» говорилось, что крайне важны память и связь, в том числе связь между собой в прошлом, настоящем и проекцией и образом себя в будущем. Читая о смелой и дерзкой Эмме, о её товарищах, борьбе и идеалах, отсидке Александра Беркмана в тюрьме 14 лет, я задумался о собственных волевых усилиях и внутренних порывах духа и души. Активизм и рефлексии последних лет 5 научили нас тому, что такое выгорание, большей заботе о себе, и «Афтершок» говорит как раз об этом. И я считаю, что это всё правильно. Однако, я также вспомнил, особенно сейчас, находясь на сутках в ИВС, где приходится порой брать волю в кулак, свои студенческие годы, чтение книг, порой мучительное познание и принятие правды, примирение с ней, что стало частью нового меня и впоследствии закономерно привело в активизм. Тогда я совершал огромную внутреннюю работу, и это было волевое внутреннее сдвигание плит моей души. Интерес к анархизму и антиавторитарным идеям, вегетарианство тогда и веганство сейчас, то чувство, что впереди ждёт что-то новое, — есть некие параллели и отголоски сейчас с теми временами более 10 лет назад.

Я отчетливо чувствовал связь с собой в прошлом. И я принялся думать, чувствовать, мечтать о себе в ближайшей перспективе.

Если я не могу в bailando, это не моя революция

6 ноября в пятницу утром я неожиданно получил два письма и открытку! Конечно, я знал, что мне писали гораздо больше, но всё равно я очень радовался и этим весточкам, которые смогли прорваться через цензуру. Я внимательно перечитывал всё по несколько раз, рассматривал картинки, переданные в одном из писем. И конечно же писал письма в ответ, которые собирался передать лично уже по выходу. Весь день я был этим поглощён, я написал два ответа до обеда и один после. В камере нас оставалось уже четверо, уровень шума понизился, песен тоже стало меньше. Я вспоминал разные песни и мелодии, держал в руках открытку от близкой подруги и вспомнил хит из 90-х «Bailando» («Танцуя»), который нам нравится. Bailando, байландо, баланда... эта песня заиграла в голове другими словами, и я принялся переделывать её текст под окружающие меня реалии.

При необходимости можно ознакомиться с вокабюляром:

- Баланда — еда, пайка, подаётся в алюминиевой посуде.
- Баландёр — разносчик еды.
- Камаз — повозка с едой и посудой.
- Бигус — блюдо из тушёной капусты, как правило самое ненавистное всеми заключёнными и солдатами.
- Мусор — мусор.
- Продол — коридор.
- Вата — матрас.
- Кент — (в данном контексте) поделщик.

- ОСН — острая спичечная недостаточность, тюремное заболевание у зависимых от никотина, вызывающее ломку, хандру, раздражительность, апатию, манию в поиске спичек при наличии в камере сигарет.
- Трамвайка — металлическая скамейка, зафиксированная в полу рядом с таким же столом в центре камеры.
- Положняк — чаще всего означает различные моюще-чистящие средства, которые положено выдавать заключённым; в данном контексте используется более широко и включает в себя положенную еду.

Баландё-ё-ёр, что камаз так долго?

Е-е-eee!

Мусоро-о-ок, жри свой бигус сам!

Е-е-eee!

Наш матрас на продоле

Ну и что-о-о?

Вату не катаем

Спички ждём, кент наш в доле

Тяжело-о-о, от ОСН страдаем

Ба-лан-да, баланда

С трамвайки вставай, проснись, в сторону все книги

Ба-лан-да, баланда

Вот наш положняк, но жжёт руки алюминий

Наш срок подходил к концу, а у нас так ни разу и не забирали матрасы на ночь. Непорядок. Вечером перед отбоем парни курили, но их впервые запалил мусор. Вата выкатывается на продол — и хата превращается в концертный зал с отменной акустикой. «Всё идёт по плану», День Октябрьской революции мы встретили песнями и ночным жором: последние кусочки веганской колбасы, чай из нагретой на батарее воды в бутылке, печеньки, вафли, конфеты. Перед сном мы утеплились чем было, вместо матрасов спали

на куртках, металлические полоски впивались в спину. Но несмотря на эти неудобства меня всё равно радовало то, что мы поддерживали друг друга и веселились. Очень достойная последняя ночь на сутках, я считаю.

На следующий день около 21 часов меня вывели из камеры, я увидел Дашу и Алёнку, и радость снова охватила меня. Мы втроём и мой бывший сосед по Окрестина М получили обратно свои вещи. Мне вручили счёт от Жодинского ГОВД за оплату еды в размере 150 рублей. И нас повели на выход обратно по бесконечным тёмным коридорам Жодинской тюрьмы.

На выходе меня ждали с фалафелем, шчучыншчыну уже сменило хлопотное дельце, а 4 анархиста так и не пересекли украинскую границу.

**БОРОТЬСЯ —
ЗНАЧИТ ПОМНИТЬ,
ИЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В
ЖОДИНСКОЕ DASEIN**

**Это то,
почему мы здесь,
это всё, что у нас есть**

После жодинского ретрита теперь стоило отдохнуть по-настоящему. Удивительно, но я был на подъёме сил после такой предоставленной мне возможности выразить свои накопленные претензии государевым людям. Я просмотрел те паблики, где количество непрочитанных постов не измерялось парой тысяч, отмок в ванне с пеной из бомбочки Lush, поел на Комаровке пирожков с картошкой и с повидлом и повидал столько друзей и подруг, сколько только смог! Встретился с ребятами обсудить наш свежий опыт отсидки и вместе поугарать с произошедших событий. Дни шли непринуждённо.

Всё изменилось в четверг 12 ноября. Этот день принёс сразу две очень печальные новости: о смерти Романа Бондаренко, избитого мусорами у себя во дворе, и о задержании Миколы Дедка с выложенным с ним видео, сделанным под пытками. Это было очередное бесчисленное «уже слишком», когда в повседневную рутину снова врывается осознание, что садисты в форме на зарплате продолжают убивать, насиловать, пытать, калечить и унижать ни в чём не повинных людей. И нагло врать всем нам в лицо, отрицая содеянное зло. 13 ноября ко всему этому мраку добавила 15-летняя годовщина смерти Тимура Качаравы. Каждый раз я переслушиваю группу Sandinista! с болью на сердце, на котором выжжены тексты их песен, со сжатыми зубами и мокрыми глазами. Но и на этом всё не закончилось: 14 ноября после отсиженных 15 суток в Барановичах перезадержали Марину, Влада, Вову, Машу, Наталку и Сашу.

Это грязь и кровь, и пот, и слезы
Где-то там, глубоко внутри
Горячие искры последней надежды
Они дают возможность идти
Вперёд
Не превращаться в пародию
На свои мечты
Не на продажу, не в угоду амбициям
Просто потому что нельзя молчать
Когда к горлу подступает крик
Жить и бороться
Среди мертвых, пустых и лживых слов
Хоть немного приблизиться
Без остановки
Продолжать идти
К тому, что ждёт впереди
Хоть немного приблизиться
К мечте
Стоять до конца
Не повернуться спиной к самому себе
Это то, почему мы здесь
Это всё, что у нас есть

Накопившейся злости, жаждущей стать яростью, было слишком много, чтобы в воскресенье пока отсидеться дома и восстанавливать силы. **Бороться — значит помнить.** Именно такому баннеру захотелось найти место во дворе Площади Перемен, где жил Роман. Сберегая себя и своих близких, мы должны завершить начатое ради всех бесчисленных жертв, чтобы остановить рост их количества, вернуть безопасность нашим телам и покой душам. Больше не терпеть этот беспредел.

Бороться — значит помнить

Сложно выразить, что происходило тогда внутри. Вспоминалось стихотворение «Чёрный дым», которое написала админка ТГ-канала Paris Burns после вынесения приговора по делу «Сети»:

Всё же тронуло, нельзя сказать, чтобы, прямо, накрыло чем-то таким. Скорее, буром продырявило нутро, и оттуда потянулся чёрный дым.

По направлению этого дыма и по его густоте я могла определить, что ярость всё это время только копилась и не собиралась никуда уходить.

Она росла. Сперва она научилась ползать на четвереньках, довольно бодро. Затем пошла. Очень быстро освоила основные слова: беспредел, холодно, мусора. И покороче: бог, нет, лёд. И самое короткое: Аааааа!!!

Она не особо умела дружить с другими — обычно играла одна. Играла в машинки мусорские. Переворачивала и поджигала их. Чёрный дым плавленной пластмассы. Планета потерпит свободы ради чёрного дыма клубы.

Я не заметила, как она начала ходить в клубы, пропадала в курилке и в туалетной кабинке. Обычно по двое — с каким-то чёрным парнем с кудрявыми волосами-клубнями дыма. Музыка ей нравилась такая, чтобы зубы дрожали. Как дрель — джжжжжжжж жжжжжжжж — дрель в голову зла, в самое его темечко.

Она представляла себе зло вроде державы, с крестом наверху, с дурной позолотой, рубинами и янтарём.

Отломать крест, камни брызнут звонкими бусинами — осколки империи катятся под кровать.

Я не заметила, как ярость стала меня обгонять. Переросла. Поумнела. Стала что-то от меня скрывать. Домой приходила — сразу запиралась у себя в комнате, не смотрела в глаза, сны свои больше мне не хотела рассказывать. У неё, вроде как, появились новые друзья.

И однажды утром десятого февраля, когда все наши надежды разом погасли, ярость вспыхнула и подожгла мой дом. Остался только этот угольный дым кругом. Тягучее чёрное покрывало.

Сколько нас таких, отравивших в себе черноту? Как сложно нам таким удерживать её на цепи, будто приговорённую к восемнадцати годам строгой, ярость, ищущую дружеского плеча, ярость, способную укрощать тучи и прямо глядеть в глаза палача.

Сколько нас? И когда наконец мы отпустим себя?

В воскресенье 15 ноября у мемориала во дворе с самого утра были люди, и их становилось все больше и больше. Было достаточно холодно, появились палатки с горячими напитками и печеньем. Я искал себе перчатки, и, увидев это, ко мне подошла пожилая женщина и предложила отдать свои, сказав, что сама скоро уже уходит. Пока я отговаривался, она сунула мне их в карман. Позже вечером она снова подойдет ко мне и покажет найденные себе новые перчатки. Такое тихое добро. И женская жертвенность, не знающая границ...

После обеда какие-то ребята залезли на будку и зажгли 3 фаера в «политических цветах». Запомнился момент, когда на качелях мужчина повесил бандеровский флаг и сфоткался с ним. Позже к нему подошли 3 либертарианца, пообщались с ним — и флаг был снят. Мы уже знали новости о том, что планом того дня было собраться на Пушкинской, почтить память Александра Тарайковского и пойти к Площади Перемен. Как и то, что там уже начились привычные всем задержания.

Наше мирное пребывание во дворе около 14 часов нарушило приближение маслин и оливок со стороны Орловской, перегородивших дорогу со щитами и вплотную подошедших ко двору. У некоторых в руках были помповые ружья и дробовики, начали взрываться свето-шумовые гранаты. Мусорское присутствие возле огороженного забором двора сразу вызвало определенные исторические ассоциации: крики «Фашисты», «Убийцы», «Уходи», «Пошел вон, ты и твой ОМОН» стали на это ответом. Напряжение всё нарастало, и дальше происходило что-то невероятное по своей энергетике! Было ощущение, что народный гнев можно буквально потрогать руками, настолько сильным было его выражение. Люди неистово орали на мусоров, вместе и по отдельности, проклинали, призывали их убираться. «За что убили Рому?», «Я выхожу!» звучали все яростнее и быстрее, отдельные люди срывались и шли в одиночку орать прямо на кордон. «Один за всех, и все за одного», «Не забудем, не простим», «Бороться — значит помнить».

И каким же восторгом стало отступление мусоров прочь со двора! Внутри было глубокое чувство общности и солидарности, неопишуемая радость и облегчение. После нашей маленькой победы горячие чай и кофе и общее оживление во дворе были нашим вознаграждением. В памяти остался ещё один момент, когда товарищ развернул чёрный флаг с А в круге, к нам подошла бабушка и радостно говорит: «О, дорогие анархисты, как хорошо, что вы здесь, мы вам так рады!» Что стало с нашей страной за последние месяцы?..

Чувства того дня стали одними из важнейших за всё время текущих протестов. С этого момента для меня стало ясно, что в тот день я остаюсь во дворе до конца. И даже когда через час мусора стали со всех сторон окружать двор, и люди говорили, что их было раза в 4 больше всех нас, это уже не имело большого значения. Многие люди стояли в сцепке у мемориала до самого задержания, и никакой Балаба

не заставил их разойтись. Молодцы и те, кто решили уйти и им это все-таки удалось. Далее, после не самого нежного задержания двумя ОМОНовцами я поехал в автозаке в Октябрьское РУВД. Сидя в камере на скамейке в конце газвагена я смог отдышаться, ослабив собственный шарф, которым ОМОНовцы невольно сдавливали мне шею при задержании.

Двух моих товарищей тоже задержали. Одному перенесли суд, на который он, как полагается, не пошёл, и осудили на 15 суток. Второго после отсиженных 15 суток депортировали в царскую Россию без права въезда к нам на 10 лет. Еще один повод поскорее всё закончить и вернуть человека обратно.

Я выхожу...

Понимающие винтики

В Октябрьском РУВД было странно и долго. Тамошние сотрудники притворялись хорошими, большинство из них, они делали свою работу ответственно, не хамили и раздавали нам воду, переданную волонтерами. Нас задержанных было где-то по 50 человек на 4 этаже и внизу в актовом зале. Они ответственно опрашивали всех и вносили показания без изменений в протоколы опроса, ответственно выдавали всем почти одинаковые протоколы об административном нарушении и давали вписать с чем мы там не согласны. Долго, медленно и ответственно. Забегая вперед: вся эта церемония длилась с 17 вечера до 3 ночи.

Подзывают по одному к стене фотографироваться. А не объясните ли, господа, на основании чего вы это делаете? Конечно, сейчас придёт человек и отдельно понятно объяснит, чтобы не докучать остальным задержанным. Приходит этот человек, ведет меня несколькими этажами ниже и рассказывает

мне, как он собирается объяснять, по нормальному, затынет мне руки, поставит на растяжку у стены, по корпусу пару раз пропишет. Заводит меня в кабинет инспектора по уголовным делам, там, видимо, ещё понятнее становится. Один обыскивает вещи и грубит, второй сидит за столом и задаёт стандартные вопросы. Но ему интересно пообщаться, задаёт вопросы, почему мы ходим, говорит, что милиция хорошая, ведь, что они тоже читают телеграм-каналы и там много неправды про милицию пишут. Что какой-то наш змагар что-то плохое наговорил на видео, обещал при мне показать его, но вот незадача, не смог найти. И что со смертью Романа всё не так просто, что он пьяный был, сам полез в драку, и позже покажут всем неизвестные пока факты. Естественно, меня всё равно отфоткали, уже сказали доставать шнурки.

Эти вопросы не по делу стали докучать, спрашиваю, по какому делу собственно интересуетесь. Организация массовых беспорядков, уголовное, в качестве подозреваемого. Ну, значит, тем более с вами мы больше не общаемся, и адвокат мне положен в таком случае. Звучит как трындёжь, но ощущение очень неприятное, времена нынче мутные. Возвращают меня обратно к остальным на 4 этаж. До этого первыми звали опрашивать только девушек, и мы подумали, что их отпускают, так как слишком много было задержанных. С этой мыслью в голове я вслух рассказал всем о состоявшемся разговоре об уголовном деле и попросил, что если кто-то сегодня выйдет, то чтобы связались с моими близкими и передали эту информацию. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

На наш этаж привели журналисток Дашу Чульцову и Катю Андрееву, которые вели стрим о происходящем на Площади Перемен. Ими сразу заинтересовались молодые сотрудники в модненьких штанишках и свитерках, которые вели себя с ними более фамильярно. Их тоже по одной звали в кабинет для опроса. Когда из кабинета выходила Катя, она небрежно и с ухмылкой обронила: «Все, Женя, свободен!»

Женя отшит, bravo, Катя! Даша все происходящее переносила стоически и спокойно.

Когда подошёл мой черёд опроса, и раз такие все добренькие, и всё делается как положено, то я говорю, что в моём рюкзаке есть вещи, которые я имею право забрать. Я достал оттуда вафли, шоколадку и термос с чаем. Мы их разделили как смогли с другими задержанными. Время тянулось долго. Какие-то парень с девушкой уже успели познакомиться и объявить себя мужем и женой на время административного ареста. Я пообщался с либертарианцем, который предъявил во дворе за бандеровский флаг. Познакомился со студенткой журфака БГУ, веганкой и знакомой задержанных студенток из «Задзіночання беларускіх студэнтаў», побольше узнал о задержанных и поделился опытом отсидки на Жодино без мяса. Уже была ночь, и некоторые люди, включая меня, пытались спать на металлических стульях.

А сотрудники РУВД методично продолжали делать свою работу. Ночью в воскресенье, на вид совсем не уставшие, протокол за протоколом. И с задержанными вежливо умеют общаться. И те им говорят, что вот делают они свою работу, каждый свой маленький кусочек, каждый несёт лишь маленькую ответственность. И сотрудники соглашаются. И что эти маленькие винтики работают на большую репрессивную машину, и никто не хочет осознавать и брать на себя ответственность за последствия. И сотрудники соглашаются. И складывается впечатление, будто они всё понимают сами и хотят, чтобы мы их такими добрыми и запомнили. Мало ли в будущем что-то изменится. И на тот момент даже ВУРОЛ не существовало.

3 часа ночи. Автозак, два десятка парней и стоическая Даша Чульцова, ИВС на Окрестина. Охранник, нашедший спрятанные в носке часы и разбивший их. 11 человек в камере на 4 койки. Дабранач, спадарства, я адово устал и хочу спать.

Грубый

Спали мы кто где и кто как. На кроватях по одному или двое, сидя за столом или на полу. Иногда сменяли друг друга. Я залез на второй ярус и отрубился. Весь день я был сонный и уставший, большую часть времени я просидел на кровати в углу или спал в том же положении. Людей было немало, диалоги, истории. Два парня познакомились во время их первого административного ареста, и теперь снова оказались в одной камере, попавшись мусорам по третьему разу. Другой сокамерник рассказывал, что перестал общаться со знакомым ранее мусором после «выборов». Один мужик рассказывал, что стелу Лукашенко так сильно охраняет неспроста: он заключил сделку с тёмными силами, а почему именно так важна стела, я уже не помню. Запомнились ещё два друга, сидевших в той камере. Беларускамоўны хлопец, выкладчык мовы й літаратуры ў школе, и его друг, переполненный оптимизмом. Его тоже задержали уже в третий раз, но его бодрость и оптимизм заряжали меня энергией в этот слегка унылый день. Он говорил, что всё у нас получится, что у нас есть шанс сделать из страны конфетку, что будет у нас нормальная парламентская республика и всё такое прочее. Восхищался знакомыми активистками, которые вовлечены в политику уже лет 10.

Суд над нами состоялся в тот же день. Вывели несколько человек из камеры и по очереди приглашали в кабинет с ноутбуком для созвона с судьёй по скайпу. Меня позвали первым. Передо мной в окошке появилась женщина, чем-то раздражённая, попросившая меня назвать мои ФИО. Я спокойно сказал, кто я, и попросил её представиться. Она так же раздражённо ответила, что вопросы задаёт она. А я так же спокойно попросил её представиться. Она из своего окошка

подозвала моего охранника и сказала привести следующего задержанного. А я был извлечён из начала очереди и помещён в её конец с пометкой «грубый».

А судьи кто?
Кто сажает покорно
В тюрьмы невинных
Ради стабильности.

Меня вывели на коридор и поставили рядом с остальными парнями. Чуть позже мы перешли стоять на коридоре рядом с моей камерой. В конце концов моя очередь всё-таки дошла, и меня посадили за ноут, стоявший на столе в самом коридоре. Та же судья, тот же вопрос. Судьёй была Живица Елена Александровна. Видимо, уже тогда она предчувствовала, что попадёт в третий санкционный список Евросоюза. И вместо итальянских вин ей придётся довольствоваться массандрой в Крыму или отдыхать в Сочи, где шашлычок под коньячок вкусно очень. Она послушала, что я пришёл на Площадь Перемен из-за смерти Романа Бондаренко, и как меня задерживали ОМОНовцы, покивала головой и выписала мне мои положенные 15 суток. «Не забудем, не простим», — сказал я ей на прощание, встал со стула, а тот упал. «Ну ты, дядя, встал», — сказал мне охранник и отвёл меня в мою камеру.

Ночью я спал на полу на половине расстеленного одеяла в проходе рядом с кроватью. На второй половине под кроватью тоже спал сокамерник. На следующий день, во вторник, в обед нас повезли в Жодинское ИВС. Мы ехали вдвоём с мужчиной в камере в автозаке, было холодно, я жевал в дороге прихваченный с собой кусок хлеба. И снова здравствуй, жодинское Dasein.

«Естественно, что на этом временном полустанке, где появляется лагерь, не действует прежнее право, не действует

и то право, которое предполагается общечеловеческим. Действие Закона откладывается, подвешивается, отсрочивается, поэтому сам лагерь оказывается таким местом для жизни, где “возможно всё”, сама жизнь — лишь одна из возможностей лагерного Dasein, к тому же, совсем не обязательная». Валерий Подорога, «Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло».

Рай — это другие

Снова пришлось ютиться: 8 человек на 4-местную узкую камеру. Со мной в камере оказался Л., мужик, который жил недалеко от Площади Перемен, недавно приехавший из Москвы с заработок. В воскресенье он шёл на районе на магаз за догоном, на него навалилась куча ОМОНовцев, он их раскидал, потом к ним подошла подмога и вырубил его. Он иногда приходил в себя и помнит, что его переносили из одной машины в другую. В Октябрьском РУВД мы сидели на одном этаже. Л. говорил, что раскидал бы и больше, если бы был трезвый. Ходки у него по всей видимости были, повадки и правильное отношение к мусорам его выдавали. Слушать разные байки про его приключения мне нравилось. Однако, в целом атмосфера меня удручала. Людей больше, чем нужно для такого пространства, и люди, что говорится, были не мои.

У нашего деда болела нога, его перевели. А вслед за ним и другого мужика с проблемами с сердцем. Тот едва не упрашивал, чтобы его не садили одного, ведь он человек общительный. Я не завидовал его будущему соседу. Оставшись вшестером, мы, кто поменьше телом, спали вольтом на нижнем ярусе, а остальные — наверху по одному. На следующий день к нам зашли в камеру и сказали выйти двоим кто хочет, чтобы нормально нас расселить. Я вышел, как вы догадались. Меня перевели в точно такую же камеру на 4 человека на 2 этаже,

камеру 73. И здесь мне с соседями очень повезло. Спокойный и уравновешенный Т. вышел вместе со мной, ему было 34 года, работал водителем грузовика, есть дочка. В детстве жил в Уручье, ну вы понимаете. 29-летний И. работал в Минскводоканале, ремонтировал трубы. Весёлый, простой, честный. Вишенкой на торте был Саша: бывший иеромонах Николай, который оставил церковь после 17 лет служения и создал семью с монахиней. И дочка их ерунды не советует:

— Что надо папе сказать?

— Убегай!

Компания была замечательная, и с этими ребятами я провёл все оставшиеся сутки. Была среда, а значит день передач. Я снова ощутил тепло поддержки от близких мне людей: еда, одежда, раскраски с карандашами (из пакета после предыдущих суток) и конечно же книги. Я снова попросил передать мне «Афтершок», другим она тоже может быть полезна, и последний 3-й том автобиографии Эммы Гольдман.

Быт, еда, пространство, — всё одно и то же, из раза в раз. На нашем столе была нацарапана надпись «здесь был карантин коронавируса». Тюремщики этого и не скрывали. Однако, и у тусклых цветов есть свои оттенки. Что может быть хуже бигуса? Бигус из краснокочанной капусты. И он же на следующий день, залитый кипятком и притворяющийся супом.

«Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек — существо, которое устремлено к будущему и сознаёт, что оно проецирует себя в будущее. Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после

того, как они из себя что-то сделали». Жан-Поль Сартр, «Экзистенциализм — это гуманизм».

Михалыч

Среди всех тюремщиков пока что выделялся только один — майор Михалыч. На этаже, а может и в корпусе он был главный. По его словам человек он непубличный. Он умел думать и говорить, когда его просили принести почитать нормальных книг из коробки на этаже, он саркастично говорил, что может ему ещё принести Гомера, Ницше или Бердяева, которых сам видимо читал. Изъяснялся понятно, без хамства и ругани, хотя, просил не заставлять его проявлять низменные чувства. Свои разъяснения завершал фразой «спасибо за понимание», грубовато, но и без сарказма. Всегда в свою смену раз в 3 дня выводил нас на прогулку, хотя остальные тюремщики зачастую себя таким не утруждали. Раз в неделю водил в душ. В общем, просто делал свою работу, за которую ему платят зарплату из бюджета. Был у Михалыча и недостаток. До его смены нам на ночь включали ночник вместо дневного света. Но он пожалел нам нормального сна, и после него остальные тоже стали оставлять дневной свет.

Проявили себя и некоторые другие homo purgamentum. В четверг, 19 ноября, около 9 утра в наше царство недосыпа заглянул молодой мусор. Нам казалось, что он недавно ещё был в армии, потому как он один командовал нам поворачиваться, когда выводил на прогулки. Но уже не как в армии, резко и четко, а мерзко и затяжно: «На-ле-вэээ! На-пра-вэээ!» В то утро Саша лежал на своей кровати и дремал, мусор рывкнул, чтобы он вставал. Саша встал, а я снова думал об абсурдности этих запретов и поинтересовался у мусора, почему нам запрещают спать и лежать на кровати. Он принёс распоряжение начальника тюрьмы, где и указаны эти запреты.

Он сказал, что это не он решает, а только исполняет приказы начальства. Я посетовал, что это всё равно не объясняет почему. Он ушёл, вернулся с шаблоном рапорта о нарушении заключенным правил внутреннего распорядка и стал его зачитывать. Я ответил, что знаю, что такое рапорт и что он предусмотрен за нарушение правил, но как это объясняет причины запрета? В нашем разговоре был полный мисандерстендинг.

Открывается дверь камеры, говорит мне снимать матрас на Сашину койку и садиться на него. Я туплю и сажусь. Ставит ведро с водой рядом с кроватью, приказывает моим соседям по камере мыть пол, а мне сидеть и смотреть. Тут до меня доходит этот армейский прикол с коллективной ответственностью, когда вместо провинившегося страдают все остальные. Я встаю, говорю ему, что не собираюсь сидеть и нарушать их же правила распорядка, и говорю соседям, чтобы не мыли пол. Мусор начал на меня орать, чтобы я сел на матрас, а я от повышения на меня голоса громко ответил ему в ответ, что не буду.

Армейчик ушёл, но затем привёл с собой своего напарника по смене, на вид 50-летнего седого прапора. Он же сразу начал кричать и оскорблять меня: петушара, гребень, чмо, как баба волосы отрастил. Не вижу ничего плохого в женщинах и пернатых, но я оскорбился, ведь я ничего ему плохого не делал. И ответил ему, что я административный заключенный, а чмо и петушара он сам (да простят меня пернатые). Старый вывел меня на коридор и поставил на растяжку, ударяя по ногам, вдоль металлической решетки, разделяющей вдоль коридор. Затем сел на стул рядом и продолжил обзывать теми же словами. По ту сторону решетки мимо прошёл другой мусор, а наш привычный плейлист по радио в коридоре иронизировал: «Беларусы мы, беларусы мы...»

Я стоял у решетки один, в остальных камерах не знали о происходящем. Я громко назвал свои ФИО так, чтобы было слышно на весь коридор. Из одной из камер донеслось: «Женя, держись!» Это очень меня поддержало и придало сил. До меня начало доходить, что это вообще какой-то беспредел, что я не сделал ровным счётом ничего и ничего не нарушил. Старый начал спрашивать из какой камеры кричали и обзывать заключённых трусами, потому что никто не признался. А я ему сказал, что раз он такой смелый, почему он боится назвать свою фамилию и стал требовать назвать её. Я стал громко говорить: «За что я стою на растяжке? Какие законные требования я не выполнил и за что наказан?» Далее произошёл такой диалог:

— Назови свою фамилию.

— Иди нахуй!

— Сотрудник тюрьмы Идинахуй? — удивлённо спрашиваю я.

— Да.

— У твоего отца тоже фамилия Идинахуй? — на всякий случай уточняю.

— Да...

Оставалось только развести руками, но они находились на решётке ладошками вверх. Старый сидел на стуле, бубнел какие все трусы и никто не может признаться из какой камеры крикнули. После чего подошёл ко мне, заломал мне левую руку и повалил к полу. Я начал кричать, что мне больно и чтобы он меня отпустил. Было действительно неприятно, но я больше понимал, что я там не один, что рядом находятся несколько десятков таких же заключённых по политике, и что огласка играет мне на руку. Затем он вернул меня в положение растяжки и ударил по левой ноге, с которой слетел кроссовок.

Вскоре вернулся армейчик, подошёл ко мне и начал задавать бессмысленные вопросы: «Тебе ещё не понятно?» Сделал мне несколько ударов по корпусу справа внизу рёбер,

у меня перевело дыхание. Он продолжал что-то меня спрашивать, я набрал воздуха и громко ответил «да» непонятно на какой именно вопрос. Уходя куда-то дальше выписал мне несколько поджопников. И наконец, старый решил отвести меня обратно в камеру. Всё это действие на ощущениях продлилось минут 20.

Solidarity Forever

Несмотря на всю абсурдность произошедшего, мне было приятно осознавать, что я могу рассчитывать на солидарность заключенных даже в других камерах. Несколькими днями позже в камере 77 начали шуметь и требовать прогулку, когда мусор заявил, что из-за плохой погоды никуда нас не поведёт. Наша камера тоже стала стучать в дверь, и остальные камеры подключились. И через полчаса нас повели на прогулку. Солидарность работает, везде и всегда.

Я ещё раз перечитал половину «Афтершока», словно доктор прописал. И думал о том, что в больном и отчуждённом мире психическое здоровье и забота о других звучат революционно. А за властью нет никакой правды, только насилие.

When the world is sick Can't no one be well? But I dreamt
we was all beautiful and strong...

Я принялся за 3 том о приключениях Гольдман и Беркмана в Советской России. Самая увлекательная и печальная часть её истории, об их надеждах и чаяниях, о предательстве большевиками Революции и о том, как большевикам удавалось вводить в заблуждение стольких идейных революционеров по всему миру. Признаться, я недостаточно знаю об истории раннего совка, и узнать о первых его годах от анархистки, которая жила там сама, было

очень ценно. Нужно будет прочесть и книгу Всеволода Волина «Неизвестная революция».

Саша рассказывал всякие байки из его монастырского прошлого, и смех, и грех, что называется. Хороший человек пришёл в монастырь за правдой, жил по своей совести, образовывался и ушёл дальше искать свою правду. Слушая его я вспоминал творчество Германа Гессе, «Сиддхартху» с его «Что ты умеешь делать? Думать, ждать и поститься». К размышлениям об аскетизме и поиске пути располагала и сама камера.

В субботу Михалыч отвёл нас в душ. Неважно, что ты несёшь, свежесть ты ощутил.

Ещё в первые дни на Жодино я написал письмо маме, носил его в кармане, конвертов у меня не было. После инцидента на коридоре на следующий день я описал фактологически происходившее, потому что понимал, что память геройствовать не будет и станет забывать детали. Позже написал письмо подруге. Все три сложенные листика лежали у меня в заднем кармане джинсов.

В понедельник около обеда открылась дверь нашей камеры, тюремщик назвал мою фамилию и сказал выходить. На мой вопрос: «Для чего?», ответил, что скоро сам узнаю. Он отвёл меня в отдельный кабинет, где за столом сидел мужчина, и оставил меня там. К счастью, это оказался адвокат. Я был очень удивлён, задал ему пару вопросов, чтобы понять действительно ли это адвокат. И тогда он объяснил, что его наняли мои друзья после того, как другой заключённый вышел после суток и рассказал им об инциденте со мной. Было очень отраднo подобное услышать, и я ещё раз подумал, что солидарность сработала и здесь. Он зачитал мне послания от друзей и рассказал о новостях за неделю. Так я узнал о слитых записях с Басковым и Эйсмонт, о массандре, об уголовках на врача и журналистку tut.by, об уголовках Даши и Кати, о ковиде у Балабы, о более 1000 задержанных 15 ноября

на Площади Перемен. Он сообщил мне, что ничего не может брать от меня, но может делать свои записи. И тогда я вспомнил о своих записках в кармане. Адвокат переписал подробности инцидента и письмо маме. Информацию об инциденте опубликовали. Может быть поэтому те два охломона потом отводили от меня взгляд, когда я им смотрел в лицо. Я попросил адвоката передать всем близким четко и ясно, что со мной ВСЁ В ПОРЯДКЕ, представляя, как они могли испугаться за меня...

После разговора с адвокатом тюремщик вывел меня в коридор рядом с моей камерой и обыскал. Он достал мои записки и начал читать. На мой вопрос нравится ли ему как я пишу он ответил, что нравится. И добавил, что нужно дать почитать их Михалычу. Смена Михалыча была на следующий день. Когда он зашёл к нам во время утреннего обхода я поинтересовался, читал ли он мои записки и какой выбор он сделал: отдать мне их обратно или украсть. Ответ: «Без комментариев». Штош... Как реагируют на цензуру? Пишут об этом на весь интырнэт!

«Дорогая мама!

С самого начала этого задержания я больше всего переживаю как ты там... Я знаю как ты в любом случае будешь за меня переживать, не находить себе места, не спать, думать, как я здесь. Я это очень ценю, хоть, и в данной ситуации мне хотелось бы, чтобы ты не так сильно обо мне переживала. И мне очень больно осознавать, что ничего с этим нельзя поделать при текущей ситуации в стране. Ты не можешь перестать быть моей мамой и любить меня, и переживать за меня, я не могу перестать быть твоим сыном и делать то же самое. И я не могу перестать быть тем человеком, который не может равнодушно смотреть на творящийся вокруг беспредел. Я глубоко надеюсь, что ты это понимаешь и любишь меня таким.

Я всегда стараюсь спокойно обо всём рассказывать, объяснять, чтобы ты не пугалась понапрасну, успокаивать, приободрять и поддерживать тебя. Но и врать мне тоже не хочется. Невозможно чего-то хотеть добиться и изменить к лучшему не набив себе шишек. Невозможно порой бездействовать, даже понимая определённые риски. И невозможно оставаться самим собой, и при этом оставаться в стороне.

Я не знаю какими точно словами выразить это чувство, но больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы ты берегла себя, своё здоровье, а также чтобы теплые чувства гордости и радости за хорошего и взрослого сына перевешивали все волнения и тревоги из-за меня.

Я очень тебя люблю и ценю всё, что ты для меня делала всю мою жизнь. Мне, к сожалению, не так легко часто сказать это лично, но знай, что это именно так. Думаю, я уже не раз говорил, что находиться в заключении куда проще, чем быть снаружи и переживать. Это правда так и есть, и, пожалуйста, не сильно за меня переживай, со мной всё в порядке.

Несмотря на какой-то временный дискомфорт я нахожу для себя много чего ценного здесь: интересных, замечательных, смелых людей разных возрастов, время для чтения книг и размышлений, проверку самого себя, своих сил, убеждений и ценностей, осознание большей ценности того, что у меня уже есть в жизни.

Здесь я никогда не чувствую себя один: я абсолютно уверен в своей семье, друзьях и товарищах, я всегда знаю, что мне придёт передача, а писем и открыток мало лишь потому, что тюремщикам завидно нам из-за того, что нам так много пишут.

Я особенно рад, что я был в этот раз на Площади Перемен в память об убитом без какой-либо причины Романе. И я не собирался оттуда уходить. Бороться — значит помнить.

И я надеюсь, что в своей жизни я запоминаю самое ценное и важное, что делает нас настоящими людьми.

Женя»

Как приятно рассказывать о новостях изолированным от внешнего мира соседям по камере. Новость о недуге Балабы пронеслась по вентиляционному телефону, и в ответ раздался праведный голос народа: «Чтоб он сдох! Пусть горит в аду! И остальных пусть побольше с собой прихватит!»

Вопрос о смысле власти должен быть поставлен

В среду нам всем четверым подъехали передачи, и мы начали пировать в плане еды. Передали и новых книг: учебник по психологии свободы Кузьминой и наконец-таки «Власть и тело» Марии Рахманиновой. Учебник я покупал лет 10 назад, начинал его читать и забил по какой-то причине. Взяв его в руки сейчас стало очевидно по какой: «А что такое свобода человека? Нужна ли она в мирное время? И почему слова песни: “Офицеры! Россияне! Пусть свобода воссияет...” — стали гимном офицеров современной России? Чем свобода отличается от вседозволенности, анархии и произвола, от выбора и принятия решения, выгодного для себя и своей группы, в ущерб другим людям?» В топку. Я принялся за философскую книгу Марии Рахманиновой, с благоговением и трепетом.

Так вышло, что Саша попросил себе «Бытие и время» Мартина Хайдеггера, которую начинал читать несколько раз. «Власть и тело» начинается с перефразирования тезиса Хайдеггера «Вопрос о смысле бытия должен быть поставлен». Мария же, как анархистка, дерзнула поставить вопрос о смысле власти, защитила кандидатскую и написала на её

основе эту книгу. Я редко читаю философские книги и боялся, что мало что пойму. Однако я вдумчиво прочёл глоссарий, медленно читал главу за главой, понял, что в книге сложные концепции неплохо объясняются для более приземлённых людей, а приводимые примеры зачастую поэтично иллюстрировали основную мысль. Чтение превратилось в интеллектуальное наслаждение, которое для меня было сравнимо с «Бунтующим человеком» Камю. В книге не было списка использованной литературы, потому по мере чтения я выписывал все сноски в тетрадку. Было чувство, что кто-то прочла и посмотрела схожие по вкусу книги и фильмы за последние лет 15, только в 100 раз больше меня, и написала об этом крутейшую книгу. Я был в восторге и летал снаружи всех измерений.

«Таким образом, сама христианская теология подсказывает нам: в лице современных форм власти и её сложных иерархий мы имеем дело лишь с призраком, не способным к собственному обоснованию и предлагающим вместо него лишь невразумительное бормотание о порядке и дисциплине. По всей видимости, эти тонкие и необратимые перемены в истории прекрасно уловили те, кто обратился к строительству нового мира — на безвластных основаниях. Вольные советы Гражданской войны в Украине 1919-1921 гг., вольный Кронштадт, анархо-коммунизм в Испании 1936 года: все эти эксперименты были самым закономерным и последовательным выходом из теологической картины миропорядка, опровергнувшей себя катастрофичностью XX века. Старый мир сорвался со своей собственной оси и утратил любые обоснования власти как принципа мироздания. Темпоральность анархистского проекта оказалась самым логичным ответом на крах темпоральности христианской метафизики: если отсроченность истины больше не является необходимой, значит, истина может принадлежать настоящему. А поскольку у власти больше нет оснований, обусловленных

отсроченностью истины и необходимостью подготовки к ней, это означает, что момент истины возможен не только в настоящем, но и лишь при полном освобождении от власти (как ошибочно введенного условия, соответствовавшего прежней картине мира, но больше не соответствующего настоящей)». Мария Рахманинова, «Власть и тело».

Вопрос о смысле власти должен быть поставлен. Власть является проблемой сама по себе. Следует критично относиться к власти в любом ее проявлении. Вот оно чё, Михалыч. И в этом нам помогут: антиэтатистские сценарии ускользания, штирнеровский концепт бунта, марксистский и анархистский концепт классового сознания, феминистские разработки гендерного анализа и противостояния системной власти патриархата, ситуационистские и экзистенциалистские трактовки бунта и сопротивления, постмодернистская критика бинаризма и фаллологоцентризма, левый психоанализ, эмансипация сексуальности, постколониальный интерсекциональный анализ, новая эстетическая рефлексия и эстезис, квир-теория, разработки либертарных форм коммуникации, рефлексия над повседневностью и медийными дискурсами.

Я спросил у Михалыча о том, кто отвечает за цензуру писем и открыток в корпусе, он или кто-то повыше. Он устало посмотрел на меня и сказал: «Судя по твоим письмам у тебя такой склад психики, что спорить с тобой бесполезно». Да, в случае представителей власти, спасибо за понимание. К слову, под конец моего срока мне дошла одна открытка неведомо от кого и откуда. И одно письмо... которое мне слали друзья на Жодино еще во время предыдущего ареста!

Dear compañeras, please let me know who you are!

А вот музыка по радио была для меня «не меньше, чем насилие». Почти каждый день наши уши облучали дозой патриотизма, агро- и русского: «Слушай батьку», «Белая, белая Рууууусь», «Я поднимаю свой флаг — моего Государства! Здесь

сто дорог — моя земля. Моя Москва — звезда Кремля», и песни Любэ, куда ж без них. Когда радио извергало «Моя Беларусь, я люблю тебя», то парни из 77 камеры орали в ответ: «Милая моя, ВЫПУСТИ МЕНЯ!»

Сидя на этих сутках я пропустил день рождения брата. Я написал ему письмо с поздравлением на новом листике. Но на этот раз припрятать записку стоило получше. Смерть Кощея... сложенный листик в чистой паре носков, чистая пара носков в грязной паре носков, грязная пара носков в поношенных трусах, поношенные трусы в потной майке, потная майка в пакете с остальными поношенными вещами. Если руки какого-нибудь искателя пожелают в этом покопаться, то милости прошу.

В тот день выпал снег. Его повезло ощутить на прогулке, глядя на небо через прутья решетки. Сводили и в душ. Мои отдохнувшие сокамерники начинали грезить скорым освобождением. А я начинал себя готовить к возможному перезадержанию.

Тормозни сегодня

Я помнил о перезадержании шестерых моих друзей и подруг в Барановичах. В Жодино такое в этом году пока не практиковали. Но ведь никогда не поздно начать. Я размышлял о том, что я мог бы предпринять против пободного беспредела вкрай обнаглевших мусоров. Ничего кроме голодовки и высказывания своего фи в голову не приходило. Я не мог знать, что после перезадержания Влада на его уже третьи 15 суток за время этих протестов он объявил и держал голодовку. Я сел писать очередной листик, который вручил бы в случае моего перезадержания.

«Я выражаю свой протест против репрессивной судебно-милицейско-тюремной системы и практики политических

репрессий с удержанием людей в заложниках без предъявления обвинений по уголовным статьям, бесчисленных административных арестов с лжесвидетельствующими анонимными свидетелями-милиционерами и угнетения заключенных.

Вместе со всем народом Беларуси я требую освобождения всех политических заключённых.

По причине моего необоснованного перезадержания я объявляю голодовку и следующим заявляю:

1. Я отказываюсь выполнять правила внутреннего распорядка, такие как запрет на сон в дневное время и лежание на кровати.
2. Я требую ликвидации цензуры и пропуска всех писем и открыток.
3. Я требую уважительного отношения со стороны сотрудников тюрьмы без хамства, унижений, оскорблений и применения насилия.

Беларуская наследница советской тюремно-лагерной системы не имеет права на существование. Наше общество обязано кардинально её изменить, изучив лучшие мировые практики, в том числе либертарного восстановительного правосудия.

Пока все не будут свободны!»

Думаю, некий пафос проявился из-за раздражения и усталости. Я лично не знаю, как именно всё должно быть переделано. В юридических аспектах определённая экспертиза накоплена у правозащитниц. В этических — мы все как общество ответственны за демонтаж подобной системы унижения и пыток, и опыт политических заключённых (с официальным статусом или без него) и бесчисленных административок должен быть нам напоминанием. Новая низовая активность и появившиеся структуры солидарности показали нам, что мы способны на новые формы взаимодействия; может, сейчас благодатная почва и для новых прогрессивных практик либертарного правосудия? По-простому хочется увольнения всех мусоров как в той же

Грузии и наказания для совершивших преступления, отмены множества уголовных статей и сокращения сроков по оставшимся, закрытию тюрем, многие из которых станут не нужны.

Днём вывели на коридор и начали оформлять тех, у кого было 14 суток. Через решётку над туалетом можно было увидеть лица людей и радостно кивнуть. После того как закончили все процедуры и ребятам скомандовали на выход, Михалыч провожает ребят: «Идите, вы — невероятные». Кто-то из них радостно отвечает: «Мы скоро вернёмся!» Михалыч удивляется: «Вы идейные или дурные?»

Наверное, я слегка переугорел за время этого административного ареста, потому что в предпоследний день мой организм мне заявил: «Молодой человек. Ты победил. Тормозни сегодня. Ты показал, что можешь дать отпор. Наделал шума на весь этаж. Рассказов хватит на месяц вперёд. Эта тема (прямые столкновения) уже не будет работать в плюс. Ту «победу со дня на день», о которой вам пишут в телеге, на данный момент одержать просто нереально. Я это вижу своими глазами, находясь здесь. Дальше только трупы. Силовики таким способом на сторону людей не переходят. Сейчас в их глазах ты как раз те, против которых их натаскивали годами. Думай со своими товарищами о других решениях. Береги себя, не рискуй бездумно. Не забывай, кто твои бабушка и мама. Передавай всем». Он поднял свою температуру на несколько десятых градуса и заставил меня чувствовать озноб. Я прилёг вечером отдохнуть на свою койку. Смотрит Михалыч, спрашивает почему лежу. Потому что заболел. Почему он не в курсе? Потому что я и не говорил. Измеряет температуру, показывает 36,9°C. Уходит. Ложусь обратно. Приходит снова. Спрашивает, совсем ли мне похуй на правила внутреннего распорядка. Уточняя, нужен ли ему правдивый ответ. Предполагает, что похуй. Признаюсь, что недалеко от правды. Уходит.

Наступил последний день этого срока в жодинском Dasein. Ощущение скорого перемещения в другое пространство-время. По вентиляционному телефону стали разноситься «Жыве Беларусь!» и песни вроде «Грай». Всех моих соседей освободили до обеда, я по тюремной традиции выписал на удачу каждому по поджопнику, чтобы больше сюда не возвращались. На обед в тишине и одиночестве я съел целую миску какого-то съедобного супа.

Я собрал по пакетам все свои вещи. Тогда по завершению моего второго административного ареста камера уже казалась не чем-то временным, а местом, куда придётся вернуться. И все же было немного грустно, как в последний день смены летнего лагеря. Нужно было покинуть и завершить существование этого микромира, в этой камере номер 73 и с этими конкретными людьми. И возвращаться во внешнюю большую тюрьму и дальше решать её проблемы.

После второго ареста я определённо не чувствовал себя таким бодрым, как после первого. Одновременно хотелось и не хотелось видеть всех снаружи. В тот момент точно не хотелось рассказывать «как я». Как из Жодинского ИВС. Нужно было прийти в себя на свободе, но не отрешиваться от этого опыта. Было сильное чувство, что пережитое оказалось очень важным. Получился небольшой путь под лозунгом **«Бороться — значит помнить»**.

Your stubbornness is ever living
And cool anxiety is about to die
Freedom for your daddy
Freedom for your momma
Freedom for your brothers and sisters
But no freedom for me

За воротами Жодинского ИВС меня ждали старые друзья, и хмурый настрой сменился радостью.

P.S. Если кто-то успел забыть о том, кто те люди, которые виновны и ответственны за насилие в стране, то женщины Беларуси напоминают: «Это менты, это судьи, государство и президент».

**ЧЕМ СИЛЬНЕЕ
ВАШИ РЕПРЕССИИ,
ТЕМ СИЛЬНЕЕ
НАШИ ДЕПРЕССИИ**

Этот текст не об унынии и пессимизме. И пусть вас не смущает такая переделка известного слогана про яростное сопротивление. Сам я преисполнен надежды как никогда, вопреки множеству угнетающих факторов белорусской действительности. Описать свой опыт административных арестов меня побудило жгучее желание поддержать товарищей и товарищек, знакомых мне и нет, помочь пережить схожий с моим опыт, приняв горькую пилюлю повторного проживания травматичного опыта. Однако, аресты — лишь самая видимая и очевидная часть репрессий. Сутки проходят, а протестные будни длятся вечно. Без описания того, как бывает потом, картина кажется неполной. Мусора знают, что после репрессий мы можем чувствовать себя паршиво. Но в курсе ли мы сами, что с нами происходит коллективно, когда изолированно сидим по домам и зализываем раны?

Депрессия? Это может быть политическое!

Если вольно переиначить старую советскую песню, «на десять депрессивных по статистике девять белорусов» (хотя, и Россия для грустных, и в Нурсултане только умирать). Несомненно, у подавленности и апатии могут быть разные факторы, физиологические или глубоко личные, но какую таблетку можно принять или какую детскую травму проработать, чтобы диктатура перестала портить нам жизни?

«Нет, я ничем не болею, мне просто очень хуево.
Вырыта яма своими руками, всё повторяется снова».

Я ненавижу чувство вины. Мне не нравится чувствовать себя беспомощным. Я стараюсь ответственно делать то, за что берусь, чтобы никого не подводить. Но иногда я не могу.

Я смогу потом, но в данный момент у меня может не быть сил. Я уже допускал раньше такую ошибку, когда уже не мог, но тянул лямку и не мог сказать себе «стоп», и признаться в этом товарищам по коллективам. Признаться в этом было... страшно. Люди не поймут, перед собой не оправдаться. Правда в том, что зачастую более чем поймут, поддержат и скажут, что нужно было сделать это раньше, пожелают поскорее набраться сил и с радостью помогут чем только смогут.

Тело умное, слушайте своё тело. Если оно хочет спать целыми сутками — спите. Не хочет делать никакие дела — не заставляйте его. Не хочет есть — вежливо попросите его принять хоть что-нибудь и поблагодарите. Мозг захотел только смотреть сериалы — пожалуйста, сколько угодно. Корить себя за желания тела прийти в норму бессмысленно и вредно.

Но что же такого страшного может с нами происходить, что вызывает столько беспокойства? Я бы описал все подробности собственных внутренних процессов или последовательность событий, если бы помнил их... И это как раз то, что может происходить: проблемы с памятью.

«Я не помню, я не помню, я не помню когда! Что! Какой цвет футболки».

Одно чувство вряд ли можно забыть. И его порой непросто обуздать. Проезжающая мимо во дворе мусорская тачка. Включенный рядом телефон, если разговор становится более серьёзным. Проживание по прописке. Звонок из следственного комитета твоим родственникам или визит участкового. Звонок в собственную дверь и учащённое сердцебиение от гадания, кто там за дверью: разносчик пиццы или красауцы. Паранойя.

«Ты подозреваемый, тише, ни звука, паранойя, паранойя, паранойя».

Депривацию сна можно использовать как пытку. И такая пытка может получиться в результате сбившегося режима, трудностей с остановкой мыслительных процессов перед сном,

чувства пустого бессмысленного дня, проведённого никак. Или же написания важного текста в 4 часа ночи с температурой, потому что более удачного времени почему-то не нашлось.

«Опять уползла земля из-под ног
И скомкалась простыня.
Казалось бы, жизни моей итог,
Но нет окончания дня».

Случаются и глубокие экзистенциальные провалы, когда нужно бродить по тёмному лабиринту своей души и заново отыскивать там те источники, которые ведут к свету. Искать там надежду, когда сейчас её можешь не чувствовать.

«Возможно, сейчас у тебя надежды особо нет — или никогда не бывает. Но без неё ситуация по-настоящему безысходна, поскольку мы не можем делать то, что должны, чтобы спасти себя, окружающих нас существ и мир вокруг нас от влияния тех самых травматичных событий, которые разрушают нашу надежду. Это значит, что мы обязаны действовать так, как будто надежда у нас есть, даже если прямо сейчас мы её не чувствуем. И как только повод для надежды находится, можем оставлять недоверие в стороне и чувствовать её — впрочем, не прекращая реалистично оценивать прогресс». Патрис Джонс, «Афтершок».

«“Fight for the future” — вышито на кепке брата.
“Печаль будет длиться вечно” — переводит он надпись.
Я смеюсь над ним, хотя, смысл в общем-то одинаков.
Я не хочу в рай, пока не разберусь с адом».

Можно сидеть в безопасности, но знать, что твои близкие ушли гулять в воскресенье. Твоя подруга может снимать репортажи для Белсата, а друг заниматься правозащитной деятельностью. Наверняка ты бы предпочёл

быть задержанным сам вместо твоей партнёрки. И беспокоись за родственников, которых могут донимать мусора, чтобы узнать, где ты проживаешь и как с тобой связаться. Наши социальные связи — наша сила и наше уязвимое место.

«Схожу с ума только лишь представляя,
Нет, ну пожалуйста, это всё сон.
Я так надеюсь, что ты гуляешь,
Забыв зарядить телефон».

Происходить может много неприятных вещей, вызывающих тяжёлые состояния. У меня нет цели перечислять их все и смаковать нюансы душевных страданий. Только одну мысль хочется донести: **если ты это чувствуешь, то ты не один и не одна!** Нет нашей вины в том, что репрессии влияют на нас негативно или даже разрушительно. В нашем контексте заниматься активизмом или активно участвовать в протестах уже требует немалой смелости и решительности. Ты молодец, что занималась этим! И побереги свои силы и восстанавливайся побыстрее, потому что ты ценен для всех нас.
Bad things could happen

Мама, мы все тяжело больны

Мы страдаем, но не болеем. С нами всё в порядке. Болеет общество. И нам следует его вылечить. Смертельной для авторитаризма инъекцией свободы.

Убей в себе государство.

Простых ответов как это сделать не существует. Хотя есть глупые, такие как поверить, что достаточно лишь перекрасить всё в бчб и перевести на мову — и мы пойдём дружным строем в светлое правое будущее (няглядзячы на тое,

што мова гэтая гучыць вельмі мілагучна, а сцяг зараз успрымаецца большасцю як агульпратэстны сымбал замест кансерватыўна-нацыяналістычнага як гэта было раней). Или совсем ущербные, вроде перепоручить ответственность за наше будущее (бывшему) мусору, который избивал заключенных в жодинской тюрьме до того, как это стало мейнстримом.

«Менты веселятся, менты веселятся, когда их боятся.

И ты веселишься, и ты веселишься, когда не боишься».

Что делать?

«С 31 числа очень хотелось поплакать, но я же сильная, я же всё стерплю, я же рационально смотрю на вещи, я же видела это всё уже сотню раз, я же каталась в автозаках и пазиках, и на судах, и на сутках была, я же это всё уже пережёвывала, так что я смогу как-нибудь зубы стиснуть и посмотреть на это всё со стороны, аналитическим взглядом.

Я же учёная, я же диссертацию писала по общественным движениям. В меня же гранатой попадали. И газом я нормально так подышала уже. Я же... Мне же... У меня же... Жежежежежежежежеже...

Но вижу очередь в спецприёмник на Захарьевской дом 6 и вспоминаю Ахматову, которая к сыну в Кресты ходила. Каждый день, как на работу. — Под этим горем гнутся горы. — Вот это всё.

Ахматову вспомнила, открыла её Реквием и наконец зарыдала.

Спасибо, слёзы мои вышли во внутренний дворик, так сказать, на прогулку. Получили, наконец, свои 15 минут для телефонного звонка.

Через слезу-баландёра один глаз передал другому привет:

“Мы никогда не увидимся, брат,
Но я слышал, что мы похожи.
Мы даже видели с тобой
Одно и то же.
Видели, как вечный мент
Бьёт народ по бесконечной роже”.

После слёз такая тишина, и из самой её глубины чувствую как рождается желание и необходимость снова выйти на улицы.

Мне говорили, анархистка не должна плакать, это всё фу, проявление слабости характера. Но глаза это камеры полные слёз. Все тюрьмы должны гореть. И глаза тоже пусть загораются яростью». Ксения Лотус.

Политическая терапия от Анджелы Дэвис выглядит так: «Я больше не принимаю то, что не могу изменить. Я изменяю то, чего не могу принять».

Пусть наши состояния приводят нас в ярость, а не в отчаяние. Как простого русского анархиста Алексея Полиховича. Ведь контекст у нас одинаковый, а сам Алексей тоже видел Окрестина изнутри в 2017 году после участия в Марше тунеядцев. В Беларуси милицейское патерналистское государство, которое как грозный отец держит всю семью в страхе. А дети ментов ненавидят ментов.

Один из способов помочь себе — это помочь другим, тем, кому нужна наша помощь здесь и сейчас, всем репрессированным узникам режима, которые пострадали за участие в протестах. Это может быть крайне тяжело, лично для меня это именно так. Пальцев двух рук хватит, чтобы посчитать количество отправленных мной самим открыток. Но пробивать стену цензуры и дать человеку в тюрьме почувствовать связь с внешним миром — дело архиважное. Никто не должен и не должна быть забыты...

Ещё один отличный способ — встретиться вместе и поныть о своих переживаниях. Мы ведь сами куда лучше

понимаем в чём собственно проблема. Увидеться вживую, вместе попить чая и потрындеть. Старое доброе оффлайн-общение.

Будущее ещё не написано, мы творим его сами. Нашими словами и поступками сегодня мы возвращаем то, чему глубоко порадуемся завтра. Создавая структуры солидарности и взаимопомощи. Заботясь о себе и других. Вдохновляясь и вдохновляя.

Мы анархобездна, бездна для власти. В этом удивительном и разнообразном анархо-океане обитают лучшие из тех, кого я встречал в своей жизни.

Е.В.

ИСТОРИЯ

Это история давняя, из самого начала 90-х. В Питере в 1990 году попытались на деле осуществить лозунг «Вся власть — советам!» На выборах в городской совет (наверно, первый и единственный раз прошедших честно) победили сторонники ЛНФ, а на местном уровне стали формироваться КОСы — комитеты общественного самоуправления, которые по идее могли решать любые вопросы на своей территории.

Я уже была тогда сторонницей самоуправления и самоорганизации общества снизу и, конечно же, радикальным противником власти КПСС/КГБ, но по молодости человеком достаточно наивным и неопытным. Впрочем, общественного опыта тогда не было и у людей значительно старше меня. Жизнь вокруг бурлила, меня на районе знали как участника различных дискуссий и организатора общественных кампаний, и в организации КОСа я тоже поучаствовала. Организационное собрание проходило в спортивном зале школы, участвовать могли все жители микрорайона. За кандидатов в «комитетчики» голосовали простым поднятием руки, мягким рейтинговым голосованием.

Меня на том собрании не было, заболела гриппом, и я страшно удивилась, когда мне позвонили и сказали: «Ну, готовься, тебя жители тоже выбрали». Я жила хоть и по соседству, но даже не на территории нашего КОСа! Мне потом рассказали, что меня предложил в список кто-то из жильцов, кто даже не знал моего имени: «Добавте еще ту девушку, которая недавно тут выступала про...»

И вот начались несколько месяцев абсолютной фантастики. Наш комитет собирался в помещении, где раньше был то ли пункт гражданской обороны, то ли совет ветеранов, то ли «красный уголок» (полагалось тогда иметь в микрорайоне такое общественное помещение), то ли всё это вместе, но это было хорошее помещение, небольшой зал в первом этаже жилого дома с отдельным входом.

Люди были среднего возраста и постарше, в основном техническая интеллигенция и квалифицированные рабочие. Я была самой младшей. Все собрания были открыты любому желающему, любой мог участвовать в обсуждениях.

Пока чиновники и партийная бюрократия оправлялись от поражения, а вновь избранные депутаты пытались разобраться в доставшемся им хозяйстве, мы оказались предоставлены себе и могли приступить к преобразованию общества снизу. Мы и приступили. Решали вопросы от бытовых (уборка, замена фановых труб и т.п.) до глобальных. Так, например, решили, что налоги с предприятий на нашей территории мы должны собирать сами, а наверх передаём лишь на те нужды, которые сочтём достойными. Ни больше, ни меньше. Решения об открытии на нашей территории каких-то новых предприятий также принимаем мы, исходя из интересов жителей. К нам действительно потянулись бизнесмены. Хочет человек, например, поставить на улице ларек с овощами, мы с ним встречаемся, обсуждаем, нужно ли это микрорайону и какой налог он готов платить.

Вся наша работа была на общественных началах, никто ничего за это не получал. И никому не приходило в голову как-то нажиться на этой деятельности. Мы были честные. Но если бы у жителей возникли какие-то подозрения на наш счёт, нас могли легко переизбрать.

Решили также, что нужно будет взять под свой контроль местную школу, а для этого создать комитет из родителей и всех заинтересованных, пусть сами решают, чему и как будут учить их детей. Решили, что медицинские учреждения лучше оставить под управлением города.

Наш КОС был не одинок, они образовывались по всему городу, проходили координационные собрания, на которые КОСы отправляли своих представителей. Там обменивались опытом и обсуждали вопросы организации городского

самоуправления. Так мы надеялись структурировать общество заново, снизу.

Занимались мы также и самообразованием. Я перевела на русский Европейскую Хартию местного самоуправления и мы её внимательно изучали. Решили также ознакомиться с тем, что предлагают в плане территориального самоуправления различные политические силы. По моему мнению, наиболее сильная позиция по этому вопросу была у анархистов, пригласила анархистов к нам рассказать об анархической перспективе самоуправления. Проводили также культурные мероприятия, дискуссии на актуальные темы, приглашали интересных людей. Много всего повидал наш зальчик.

Интересно, что все эти радикальные решения принимали не какие-то профессиональные революционеры, а обычные жители. У них была и работа, и семьи, и несколько лет до того они вряд ли могли представить себе, что будут всем этим заниматься.

За то недолгое время, что мы работали вместе, мы сдружились. Помимо собраний в нашем зале, могли до ночи засидеться у кого-нибудь на кухне, обсуждая наши дела. Жители нас хорошо знали, вполне могли остановить на улице и начать какую-нибудь дискуссию, запросто и домой к себе приглашали.

Закончилось это всё очень скоро, и нетрудно догадаться чем. Реальная власть находилась у старых структур, административного аппарата и силовых ведомств, которые быстро оправлялись от шока и возвращали себе контроль. К этому ускоренными темпами добавлялась власть денег. Предприятия и учреждения на нашей территории поняли, что нас можно просто игнорировать и ничего им за это не будет. Потом сверху был спущен документ, который унифицировал и регламентировал деятельность местных самоуправлений, а потом их просто отменили. И никаких ресурсов, чтобы противостоять этому, у нас не было. Добровольная дружина

из жителей годна чтобы вечером охранять двор от хулиганов, но что она может противопоставить полиции? Имущественные права оставались неизменными, и если человек с деньгами хотел что-то в нашем районе, он просто это покупал. Какими силами мы могли этому воспрепятствовать? Жители хотели более свободной и демократичной жизни, но они не были готовы за это воевать. К тому же новая городская власть воспринималась многими положительно, и люди надеялись, что депутаты осуществят реформы в их интересах.

Я и сейчас за организацию общества снизу и за народное самоуправление. И я точно знаю, что люди, которые вчера были разобщены и пассивны, в новой обстановке могут очень быстро измениться — стать смелыми, готовыми брать ответственность, взаимодействовать, учиться новому. Сейчас некоторые анархисты предлагают участвовать в муниципальных выборах или разных общественных советах. Я не вижу в этом пользы. Этот давний опыт научил меня, что пока государство и корпорации сохраняют свой арсенал средств принуждения, тебе дадут самому решать, разве что, в какой цвет покрасить скамейки в парке (да и то, в пределах очень ограниченной цветовой гаммы).

Питерский Воробушек

**ПИТЕР
04.11.2006**

Для поднятия настроения напишу об успешной акции. История хоть давняя, но примечательная.

До последней минуты ясности не было. Делать что-то при ментах, в центре города, под камерами журналистов многие не хотели. Другое сомнение — а вдруг они не пойдут, официального разрешения на шествие фаши не получили, и они могут просто рассредоточиться и отмечать свой праздник, гуляя мелкими группами. Но главное возражение было, что нас может оказаться слишком мало, чтобы перекрыть улицу. Всё же — не какая-то рядовая стычка с бонами, а русский марш, на который они заявили аж 11 тысяч рыл. Понятно было, что столько не придут, но всё же.

Накануне состоялось собрание. Кроме анархистов, там были марксисты, а также антифашисты либеральных взглядов. Чтобы всех убедить, нужно было говорить спокойно и толково, показать осуществимость идеи. А идея состояла именно в том, чтобы дать пример открытого силового сопротивления.

Ширина проспекта в разных местах была заранее измерена, также подробно изучили прочие особенности места. Собравшиеся колебались. Один из участников собрания предложил поднять руки, кто пойдёт, если нас окажется 70? А кто — если 50? Кто пойдёт в любом случае? Было круто видеть, как товарищи каждый раз поднимали руки. Поняв, что мы настроены решительно, более осторожная часть собрания нас поддержала и мы стали обсуждать такику.

Было понятно, что даже пробраться в центр города в этот день будет не просто. Решили собираться небольшими группками в разных местах, приезжать в центр заранее и ждать в кафе или магазинчиках на углу Невского и Литейного, где можно собраться не привлекая ничьего внимания.

Наутро товарищ сообщил, что к нему приходили мусора и обещали задержать, как только выйдет из дома. Обошлось. Наша группа собралась в полном составе. Пригодились

прихваченные дома из вазы цветы — изображаем компанию, которая едет куда-то в гости. Дарить их вероятному противнику, естественно, не собирались. Благополучно прокатились на метро и вышли на Невском. Заходим в одно из намеченных кафе, успели даже кофе попить. Собираются ещё группы. Девушки-скауты сообщают нам, что происходит на месте сбора бонов. А вот и последняя сводка «совинформбюро»: «Вышли, идут колонной, развернули флаги, рыл 300». Вышли и мы.

Колонна действительно была рыл в 300, но половину её составляли какие-то безумные бабки с хоругвями, зато вторая половина состояла из боеспособных рыл. Там были ДПНИ («Движение против нелегальной иммиграции»), «Славянский Союз» (СС) и прочие. Они развернули имперки, всю дорогу зиговали, орали фашистские лозунги и размахивали свастиками. Добавлял колориту «верховный жрец всех славян»

Богумил Второй, незадолго до того получивший 5 лет условно за нападение на офис «Мемориала». Жрец дирижировал толпой и скандировал вместе с ними: «Слава России», «Славянский Бог — единый Бог» и т.д.

Полиция не пыталась воспрепятствовать маршу, единственное, следили, чтобы они шли по тротуару и не выходили на проезжую часть. То, что моб двигался по тротуару, а по мостовой сплошным потоком шёл транспорт, давало нам хороший шанс. Мы (около 40 человек) в несколько рядов встали в сцепку и перекрыли им путь. Наше появление было неожиданностью и для ментов, и для бонов. Идущие впереди нацисты сначала повернули назад, но потом, перегруппировавшись, снова двинулись вперёд. Между нами ряд ментов. Вокруг полно ОМОНа. Менты кричат: «Дайте им коридор», мы в ответ: «No pasaran!» Менты расступились, и мы оказались лицом к лицу с противником. Минуту молча смотрели друг на друга.

Столкновение произошло у остановки «Литейный проспект» (рядом с китайским рестораном). Сперва на нас прыгнули наиболее рьяные. На меня летит колоритный персонаж — размахивает руками, тарашит глаза и орёт при этом почему-то «Смерть жидам!» Встречен был ногой в живот, откатился назад. Обе колонны смешались, в ход пошли подручные предметы и не только. Разбита была витрина и автобусная остановка, ранен в голову журналист. Из китайского ресторана выглянул здоровый китаец-повар, огрел одного из бонов поварешкой и скрылся обратно. Менты наблюдали, даже спорили, кто победит. Нам удалось удержаться, но тут на нас сзади прыгнул ОМОН, стали винтить всех подряд. Меня тоже приняли. Вижу, рядом со мной упала товарка, хочу ей помочь и боковым зрением вижу, как старший мент указывает на меня, и тут же хватают и упаковывают в автобус. Так что конец столкновения увидеть не удалось.

Это не было моим первым задержанием и рассказывать о нём особенно нечего. Отдел, допрос, шнурки, клетка, суд, административка. К вечеру задержали ещё товарищей. У одного из них была разбита голова. Взяли их уже в других местах. После того, как нас увезли, остатки фашистского марша продолжали группами двигаться по городу и, пользуясь численным преимуществом, нападали.

Недостаток: не договорились заранее, в каком случае отходим, куда и что делаем дальше. Могло быть меньше пострадавших с нашей стороны.

По нынешним временам за всё это вполне могли бы нам пришить организацию массовых беспорядков, да и тогда могли. Видимо, историю про то, что «в городе, пережившем блокаду» откровенные фашисты маршируют по главному проспекту, власти хотели замаять. Губернатор ведь публично пообещала, что никаких русских маршей в Петербурге не будет.

За нас ещё вступилась общественность. Либералы написали открытое письмо властям, что они должны не наказывать, а поблагодарить «этих мужественных молодых людей», которые, пока полиция бездействовала, защитили честь города. Как-то так. Анархисты написали на это свой ответ, что рады, конечно, поддержке общественности, но никаких благодарностей от властей мы не ждём, поскольку понимаем, что фашисты это лишь наиболее одиозное проявление государственной системы, и что государство с ними успешно взаимодействует.

Вывод такой, что для успеха дела нужна хорошая подготовка, конспирация и, конечно, решимость. Пользуясь случаем, передаю привет тем, кто в этом участвовал. После того было много ещё разных событий, условия теперь стали жестче. Мои взгляды не изменились, и я надеюсь, нам ещё придётся побороться за свободу родного города.

Товариш Врунгель

**ВРУНГЕЛЯН,
ВЕГАНСНЕЖКА
И 7 ОФИГИЛИАРДОВ
АНАРХОВ**

Жили-были в Риге 7 офигиллиардов анархов. Врунгельян из глубинки страшно обрадовался встрече с ними. Но не знали 7 офигиллиардов анархов, что делать. И Врунгельян, увы, тоже совсем не знал. А кто виноват, все и так знали без него.

Долго только проза пишется, а вот дела не в пример быстрее делаются. Так что, очень скоро к 7 офигиллиардам анархов пришла Веганснежка. Она хотела провести марш за запрет звероферм. Потому что Латвия — свободная страна. Но пока не для животных.

Все анархи обрадовались. Теперь они знали что делать. Они стали помогать неотразимой Веганснежке.

Сначала анархи решили, что помогать ей надо максимально безопасно. Анархи разрабатывали правила инфосека, но один офигиллиард анархов соблазнился легализмом, и их осталось 6. Ну и Врунгельян, конечно, остался, — самый главный инфосексот.

Затем анархи разрабатывали правила на случай столкновений с мясоедами на марше Веганснежки. Один офигиллиард анархов испугался, и их осталось 5. Ну и Врунгельян, конечно, остался, — самый прошаренный среди этих «анархов» в уличных войнах.

Потом анархи помогали вдохновенной Веганснежке мастерить плакаты в её штабике. Один офигиллиард анархов устал, и их осталось 4. Ну и Врунгельян, конечно, — самый неустойчивый.

В начале декабря 4 офигиллиарда анархов наконец-то прошлись по извилистым улочкам Старой Риги вместе с какими-то 500 попутчиками и отгуляли афтерпати с румяной от морозца Веганснежкой. Ну и Врунгельян, конечно, который на своём первом в жизни уличном марше научился и строй держать, и бегать из конца в конец колонны, чтобы поддержать те её части, которые кричалки орали сбивчиво или слишком тихо.

Но полтора офигиллиарда анархов замерзли на марше без сугрева — трусливые мясоеды так ни на кого и не напали. Вот так анархов осталось неполных 3 офигиллиарда. Ну и Врунгельян, конечно, — самый горячий.

Слишком поздно Врунгельян понял, что распугал многоофигиллиардный движ, уча новеньких безопасности по всей строгости беспредела власти. Один неполный офигиллиард из более чем 2,5 офигилрд. анархов загрустил без новых дел, и анархов осталось 2 офигиллиарда. Зато полных. Ну и Врунгельян, конечно, — самый весёлый.

Соображая на 2 офигиллиарда анархов и Врунгельяна, кому бы ещё помочь, один офигиллиард анархов основал сайд-проект. И анархов остался всего 1 офигилрд. Ну и Врунгельян, конечно, — самый упрямый.

Последний офигиллиард анархов посмотрел устало. Врунгельян хмуро посмотрел на него. И никого не стало.

Перековавшись в товарища Врунгеля, Врунгельян имеет сообщить:

- ставьте перед анархами их собственные цели, не практикуйте безоглядный энтризм, максимум — двойное членство;
- двойное членство — удобная штука для поиска единомышленников и конкретных дел, которые не дадут анархам заскучать;
- двойное членство удобно и для того, чтобы подкинуть принявшей тебя организации идей для новых подвигов, приемлемых для неё и полезных для далекоидущих собственных целей анархов;
- прежде чем организовать анархический марш, потренируйтесь делать это, участвуя в чужих маршах, за которые вам не стыдно, — навыки пригодятся;
- не пугайте новичков в своей стране опасностями, которые подстерегают анархов за границей, если в вашей стране менты добрее, а анархи — неопытнее. Иначе придётся маршировать в одиночку.

ПРЕСТУПНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Офигилиббайт электронных приветов, анархические
потомки.

Содержание

От редактора	3
А., «1992»	5
Бомж Парижский, «Обосравшиеся кидалы»	9
Брэд, «О 15-суточном ретрите и хлеботерапии»	17
«Потерявшие страх»	21
«Бороться — значит помнить, или возвращение в Жодинское dasein»	51
«Чем сильнее ваши репрессии, тем сильнее наши депрессии»	79
Е.В., «История»	87
Питерский Воробушек, «Питер 04.11.2006»	93
Товарищ Врунгель, «Врунгельян, Веганснежка и 7 офигилиардов анархов»	99